

Чары
и коричное
печенье

Белла Вайс

Белла Вайс

Чары и коричное печенье

<https://litres.ru/74365294>

Аннотация

Лада не просила магических способностей. Она хотела спрятаться от боли после тяжелого развода с мужем и неудачи с бизнесом. Магический артефакт, случайно оказавшийся в ее руках, "услышал" её отчаяние. Вспышка, падение в никуда...

Оказавшись в чужом мире, женщина-кондитер получит необычный дар и станет желанной добычей для мага. Ей нужно начать жизнь в магическом мире с чистого листа. Научиться управлять своей силой. Открыть кафе, привыкнуть к магам и драконам. Сделать выбор. Ей нужно слушать только свое сердце...

В тексте есть:

- героиня плюс-сайз, попаданка в магический мир,
- маги и драконы,
- новые надежды и новые переживания,
- новая жизнь и новая любовь.

Содержание

Глава 1. Горечь неудач	4
Глава 2. Незнакомый город	19
Визуал. Лада	31
Глава 3. Дежурный по городу	32
Глава 4. Утро вечера мудренее	47
Визуал. Маглор	64
Глава 5. Здесь водятся драконы!	65
Глава 6. Тяжело в учении...	81
Визуал. Аэрин	96
Глава 7. Первая маленькая победа	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Глава 1. Горечь неудач

Последний луч угасающего осеннего солнца упал на пустую стойку в кафе «Уют». Лада медленно провела ладонью по гладкой поверхности прилавка, собирая рассыпавшуюся муку и крошки от песочного печенья. Движение было механическим, в нем чувствовалась усталость.

Она вздохнула, и вздох вышел неровным и сдавленным, скорее всхлип, а не вдох. Тишина после ухода последнего клиента, пожилой учительницы из соседней школы, купившей один рогалик с корицей и пожаловавшейся на работу и учеников, казалась гнетущей. Она давила, подчеркивая пустые места за столиками с красно-белыми клетчатыми скатертями. Тишина неудачи. Тишина долгов. Тишина одинокой, безнадёжной жизни, которая, казалось, зашла в тупик.

Лада обвела взглядом свое кафе, а скорее кондитерскую лавку, — свое детище, свою мечту, ставшую тюрьмой. Стены, покрашенные в теплый персиковый цвет, которому она когда-то так радовалась, теперь казались блеклыми. Рисунки местных художников, висевшие в рамочках, — милые акварельные пирожные и чашки кофе, смотрели на нее с немым укором. Даже запах внутри — сладкая, уютная смесь ванили, корицы, шоколада и свежей выпечки, обычно дававшая ей силы, сегодня вызывал тошноту. Теперь он ассоциировался с долгом в триста тысяч рублей, взятых у банка под залог до-

ма в деревне. Если добавить пять просроченных платежей за аренду этого помещения, то становилось совсем тошно. Еще и помощница уволилась. Надежды, которые не сбылись...

Она была полной женщиной, и в последний год эта полнота из мягкой, округлой и упругой стала какой-то обвислой и уставшей. Серые глаза, которые Сергей когда-то называл «серебром северного моря», теперь были тусклыми, с темными кругами под ними. Кондитерский фартук, когда-то белоснежный, сейчас был в застарелых пятнах от шоколада, ягодного сока и капель пищевых красителей. Она не могла вспомнить, когда стирала его в последний раз. Не было сил. Не было желания. Было только одно огромное, всепоглощающее «зачем».

— Закрывать пора, — прошептала она себе, и голос сорвался.

Но ноги не слушались. Она стояла за прилавком, сжав в руках влажную тряпку для протирки столов, и смотрела в стекло витрины, за которым обычно лежали торты и выпечка. В нем смутно и криво отражалось искаженное лицо — бледное, с опущенными уголками губ. Лицо женщины, которой тридцать четыре года, а за плечами разбитый брак, провалившийся бизнес и куча бумаг с красными печатями «Взыскание».

С трудом оторвавшись от этого созерцания, Лада двинулась к столику у окна, где пере этим сидела та учительница. На блюде лежала смятая бумажная салфетка и несколько

крошек. Она собрала их, вытерла стол. Движения были медленными, тягучими, будто она плыла сквозь густой патоку. Каждое действие отнимало последние капли энергии. Она чувствовала себя выжатой досуха, до самой сердцевины. Теперь там была только пустота и тихий вой отчаяния.

Вылив остывший чай из забытой на стойке кружки в раковину, она увидела свое отражение и в темном стекле окна. За ним уже всю густели осенние сумерки, зажигались редкие фонари на неширокой улице провинциального городка. Ее город. Место, где она родилась, вышла замуж, открыла кафе и... потеряла всё. Отражение было размытым, призрачным. Словно она уже и не совсем здесь. Словно часть её уже ушла вместе с последними клиентами, с последними надеждами.

Резкий, отрывистый стук в запертую стеклянную дверь заставил её вздрогнуть. Сердце ёкнуло и беспомощно забилось где-то в горле. Она обернулась. За дверью, в сгущающихся сумерках, виднелась мужская фигура. Даже не видя лица сквозь матовое стекло, по силуэту, по тому, как он держал голову, по короткой стрижке, она узнала его мгновенно. Сергей.

Лада машинально поправила фартук, провела рукой по волосам — глупый, укоренившийся за десять лет брака жест желания выглядеть хоть немного лучше. И тут же поймала себя на этом, и стыд накатил новой волной. Зачем? Он уже не муж. Он — тот, кто полгода назад не пришел ночевать домой, а когда она, сломленная беспокойством, обзвонила

всех знакомых, нашла его в гостинице на окраине города. Не одного. Он — тот, кто потом, глядя ей в глаза холодным, пустым взглядом, сказал: «Надоело, Лада. Надоели твои пироги, твоё кафе, твоё вечная усталость. Я встретил другую. Моложе. Веселее. Без твоих вечных забот».

Стук повторился, уже более нетерпеливый. Лада медленно подошла к двери. Рука дрогнула, когда она поворачивала ключ.

Дверь открылась, впустив внутрь порыв холодного осеннего воздуха. Сергей стоял на пороге, не делая попыток войти. Его лицо было освещено тусклым светом висящей над входом лампы. Это была маска. Маска холодного безразличия. Ни тени смущения, сожаления, даже досады от необходимости видеться. Глаза — карие, когда-то такие теплые, что она тонула в них, смотрели на неё, как на предмет мебели. На неудобный, мешающий проходу предмет, который нужно убрать.

Он был одет в ту же дубленку, что и в день, когда забирал свои последние коробки из их общей когда-то квартиры. Между ними были не просто полметра пола с порогом, но целая пропасть из обмана, предательства и тысяч горьких, невысказанных слов.

— Забирай, — его голос был ровным, низким, лишенным каких-либо интонаций.

— Чтобы ничего не напоминало.

Он наклонился и поставил на порог, прямо на границу

между её миром неудач и внешним миром, картонную коробку из-под обуви, заклеенную широким скотчем. Поставил аккуратно. Потом выпрямился, бросил на неё последний беглый взгляд, развернулся и ушел. Не сказал «пока». Не кивнул. Не оглянулся. Его шаги быстро затихли в вечерней темноте.

Лада стояла, вцепившись пальцами в край двери, пока холодный ветер не заставил её поежиться. Она посмотрела вниз. Коробка. Обычная, коричневая, немного помятая по углам. «Чтобы ничего не напоминало». Словно десять лет совместной жизни можно было упаковать в картон и выставить за порог. Словно весь смех за завтраками, все обьятия в холодные ночи, все планы на будущее, все её пироги, которые он так любил, все её слезы, когда у них не получалось завести детей... всё это было просто ненужным хламом, от которого надо избавиться для чистоты его новой жизни.

Она наклонилась, подняла коробку. Она была легче, чем казалось. И от этого стало еще больнее. Значит, там лежало не так уж много вещей, которые он счел «напоминающими». Значит, их общая жизнь весила так мало в его глазах.

Заперев дверь на ключ и щелкнув замком, Лада перенесла коробку к ближайшему столику. Руки дрожали. Она села на стул, поставив картонную громадину воспоминаний перед собой. Минуту просто смотрела на неё, боясь прикоснуться. Потом резким, почти яростным движением, сорвала полосы скотча.

Внутри на старой газете лежало несколько предметов. Лада застыла, дыхание перехватило. Она медленно, будто боясь обжечься, стала вынимать их один за другим.

Сверху — пачка фотографий. Не цифровых снимков в облаке, а настоящих, напечатанных на матовой бумаге. Их время. Первое свидание в парке, они смеются, у него на плече лежит её рука. Их свадьба: она в длинном белом платье, он в костюме, слишком широком для его тогда еще худощавых плеч, оба сияют. Поездка на море пять лет назад: загорелые, счастливые, на заднем плане — синее-синее море. Последняя совместная новогодняя ночь: они в маскарадных масках, держат бокалы с шампанским, в глазах ещё нет той пустоты, что появится позже. Каждая фотография — удар под дых. Каждая — напоминание о том, что было, и о том, как чудовищно это закончилось. Он не стал их рвать, сжигать. Он просто отдал. «Забирай. Чтобы ничего не напоминало». Ему они не напоминали. Он уже стер память.

Под фотографиями лежала сломанная брошь. Нежная, серебряная, в виде веточки ландыша с крошечными жемчужинками. Он подарил её на третью годовщину свадьбы. «За нежность», — сказал тогда. Она потеряла её год назад, уронила где-то, думала в супермаркете, долго искала, плакала. Оказалось, он нашел. И не вернул. А теперь вернул сломанной — тонкий штырек, на котором она крепилась, был загнут, будто кто-то с силой сорвал брошь с одежды. Лада сжала холодный металл в ладони, пока острые края не впились

в кожу.

Дальше — толстая тетрадь в клетку, с потертой обложкой. Бабушкины рецепты. Бабушка Тоня, которая научила её печь, которая говорила: «Душа в тесто кладется, внученька, иначе пирог будет пустой». На страницах, исписанных неровным, выцветшим от времени почерком, рецепты медовика, «Наполеона», песочного теста, пасхальных куличей. Между страницами засохли лепестки васильков и стебельки мяты. Это была её святыня, её наследие. Она думала, тетрадь потерялась при переезде, когда она съезжала из квартиры после развода. Сергей сказал, что не видел её. Врал. Просто взял и спрятал. А теперь, очищая пространство от «напоминаний», отдал. Хорошо, что отдал, а не выбросил.

На дне коробки, под слоем смятой газеты, лежало что-то еще. Лада разгребла бумагу. И замерла.

Это была подвеска. Большая, массивная, из темного, почти черного серебра. Матового, будто впитавшего в себя тени. Форма — сложная, закрученная в тугую, совершенную спираль, напоминающую раковину древнего моллюска или застывший вихрь. Концы спирали были острыми, опасными на вид. К верхнему кольцу был привязан кожаный шнур, потертый, старый. Лада никогда не видела эту вещь раньше. Она была не её. Но и у бывшего мужа она украшение раньше не видела. Откуда? Может, от той самой «другой»? Может, это был намёк, последняя издевка?

Она взяла подвеску. Металл был удивительно холодным,

будто вобрал в себя мороз далеких, незнакомых земель. Он был тяжелым, весомым в ладони. На ощупь поверхность оказалась не гладкой. При близком рассмотрении Лада различила на ней тончайшую, почти невидимую гравировку. Какие-то странные, переплетающиеся линии, штрихи, не складывающиеся в знакомые буквы или узоры. Словно письма на забытом языке.

Что это? Зачем он отдал ей это? Неужели просто валялось среди хлама и попало в коробку по ошибке? Но Сергей не был человеком, который действует по ошибке. Особенно теперь. Особенно с ней.

Нахлынула усталость, такая всеобъемлющая, что стало трудно дышать. Лада собрала всё обратно в коробку — фотографии, брошь, тетрадь, подвеску. Закрыла крышку. Сидела, положив руки на крышку, и смотрела в темное окно, где теперь отражался только призрачный силуэт женщины за столиком в пустом кафе.

Развод был тяжелым. Не в юридическом смысле, в имуществе особо делить было нечего, только долги и старую машину. Тяжелым морально. Это был медленный, мучительный распад всего, что она считала нерушимым. Сначала — отдавление, его поздние возвращения с работы, её тихие ужины в одиночестве. Потом — ссоры из-за денег, вложенных в кафе. Его упреки: «Ты жила мечтами, а я тянул на себе всё!». Её оправдания, слезы. Потом — та ночь в гостинице. И его спокойное, холодное признание. И её мир, рухнувший в од-

но мгновение.

Она подписала бумаги в состоянии какого-то оцепенения. Он быстро нашел адвоката, она — нет. Просто соглашалась со всем. Отдавала то небольшое, что было. Лишь бы это закончилось. Лишь бы не видеть его холодных глаз. А потом оказалось, что закончилось только на бумаге. Внутри всё продолжало болеть, кровоточить, напоминать каждый раз, когда в кафе заходила пара влюбленных, каждый раз, когда по телевизору показывали комедию про семейную жизнь, каждый раз, когда она ложилась спать в пустой съемной квартире.

Собрав последние силы, Лада встала. Взяла коробку. Погасила свет в зале. «Уют» погрузился во тьму, лишь аварийная лампа у потолка мигала красным. Вышла, заперла дверь на два оборота ключа. Постояла на холодном крыльце, прижимая к груди картонную ношу. Потом пошла к своей старой, потрепанной машине, стоявшей в дальнем углу почти пустой парковки.

Дорога домой промелькнула как в тумане. Она механически переключала передачи, тормозила на светофорах, но мысли были где-то далеко. Они метались между лицами на фотографиях, холодом серебряной спирали в коробке на пассажирском сиденье и бесконечными, монотонными цифрами долгов, которые всплывали перед глазами в темноте: 300 000... 45 000 за аренду... 12 000 за свет... 8 000 за воду... Колесо, из которого нельзя выпрыгнуть.

Съемная квартира находилась на окраине, в панельной

пятиэтажке времен её детства. Подъезд пах сыростью и мочой. Лада, прижимая коробку к груди, поднялась на третий этаж. Ключ долго не хотел поворачиваться в изношенном замке. Наконец, щелчок — и она вошла—.

Комната. Старая мебель, доставшаяся от предыдущих съемщиков. На стенах — пятна от снятых когда-то картин. На кухне — вечно подтекающий кран и холодильник, гудящий по ночам, как умирающий шмель. Она поставила коробку на кухонный стол, рядом с пустой вазой для цветов, в которой никогда не было цветов.

Не включая свет, Лада прошла в комнату, скинула фартук, потом джинсы и свитер. Надела старый байковый халат. Вернулась на кухню. За окном была уже почти ночь. Она села за стол напротив коробки. Тишина здесь была не как в кафе, а плотной, удушающей, словно дом обволакивал её ватой одиночества.

Она не плакала. Слез, казалось, больше не осталось. Они все вытекли за эти полгода. Осталась только горечь. Горечь на дне души, как осадок от перегоревшего сахара в карамели. Горечь неудач. Неудачного брака. Неудачного бизнеса. Неудачной жизни.

Взгляд снова упал на коробку. Рука сама потянулась, сняла крышку. Она не стала вынимать фотографии, трогать сломанную брошь. Её пальцы нащупали на дне холодный металл спирали. Она вытащила подвеску. Шнурок был прочным, старым, кожа натерта до гладкости в том месте, где, ви-

димом, она когда-то касалась чьей-то шеи. Чьей? Не её. Чужой.

Она сжала тяжелую спираль в ладони. Холод металла постепенно сменился теплом её руки. Сидела так, глядя в темное окно, где теперь не отражалось ничего, кроме черноты. Мысли текли медленно, вязко.

— С чистого листа... — прошептали её губы, сами собой.

— Хочу начать всё с чистого листа.

Это было не осознанное желание, а стон рожденный где-то в глубине израненной души. Фраза, которую она тысячу раз повторяла себе в моменты отчаяния, как мантру, как несбыточную мечту.

— Хочу туда, где нет Сергея. Нет долгов. Нет этого кафе, которое меня съело. Нет этого города, где каждый уголок напоминает о провале.

Голос звучал хрипло, срываясь на шепоте.

— Хочу туда, где я не буду Ладой-неудачницей. Где можно забыть. Начать заново. Сварить другое варенье. Испечь другой пирог. Полюбить... другого.

Она закрыла глаза. Из-под сомкнувшихся век по щекам покатились горячие, соленые капли. Первые слезы за несколько последних недель. Они текли обильно, беззвучно. Капли падали на её руки, сжимающие подвеску. На холодное серебро.

— Хочу туда, где всё можно начать с чистого листа! — вырвалось у неё громче, уже сквозь рыдание, сквозь всю на-

копленную боль, ярость, отчаяние.

В тот миг, когда горячая слеза упала прямо на центр спирали, случилось нечто.

Металл, лежавший в её ладони, вдруг... ожил. Он словно вздрогнул. Тонкая, едва уловимая вибрация прошла по всей сложной форме. Лада открыла глаза в изумлении.

И увидела, как из точки, куда упала слеза, блеснул свет. Свет словно тек. Как жидкость. Он заполнял гравированные линии на поверхности спирали, заставляя их вспыхивать один за другой. Словно невидимая рука соединяла точки на невидимой схеме.

Лада вскрикнула и попыталась бросить подвеску, но пальцы не слушались. Они будто приклеились к металлу, который теперь становился всё теплее и теплее. Свет усиливался. Из молочно-серебристого он превращался в ослепительно-белый, сияющий, как сварочная дуга. Он заполнил всю кухню, выжег все тени.

Боль пронзила ладонь, острая, жгучая, будто спираль впиалась в кожу, сливаясь с плотью. Лада закричала, но не слышала собственного крика. Звук поглотил нарастающий гул, который шел от самой подвески. Гул низкий, мощный, похожий на работу гигантского механизма, пробуждающегося ото сна.

Свет стал таким ярким, что она зажмурила слезившиеся глаза. Жар от металла жег ладонь, поднимался по руке к плечу. Казалось, она горит изнутри. В ушах звенело, гул пере-

шел в оглушительный рев.

— Что происходит?! — мелькнула последняя связная мысль, полная животного ужаса.

И тут мир провалился. Он буквально ушел из-под ног. Ощущение падения в бездну, в абсолютную пустоту, где нет ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства. Её тело крутило, бросало, растягивало в невообразимых направлениях. Свет вокруг стал цветным — полосы изумрудного, багрового, черного проносились мимо, сливаясь в сумасшедший калейдоскоп. В нос ударили запахи: запах озона после грозы, запах костра, запах чего-то сладкого и пряного, как корица, но не корица... запах магии, хотя она не знала, как пахнет магия.

Она пыталась кричать, но не могла. Видела обрывки образов, пронесившихся с безумной скоростью. Огромные башни, достигающие облаков. Леса с деревьями невиданных форм и цветов. Силуэты гигантских существ, парящих в багровом небе. Лица людей в странных одеждах... Все мелькало, смешивалось, расплывалось.

Падение длилось вечность и мгновение одновременно. Потом — удар. Не о землю. О будто о плотную, упругую пелену. Её словно сжало, сплющило, вытянуло в нить. И выплюнуло.

Свет погас. Гул стих. Боль в ладони исчезла.

Наступила тишина. Не гнетущая тишина кафе. Не удушающая тишина квартиры. Другая. Полная, глубокая тишина.

В ней слышалось лишь её собственное, прерывистое, хриплое дыхание.

Лада лежала на спине. Она чувствовала под собой не линолеум кухни, а что-то твердое и холодное, как будто камни. Над ней было небо. Но не ночное осеннее небо её города с редкими звездами и желтой заревой от уличных фонарей. Это небо было черным-черным, бархатным, усыпанным мириадами звезд таких ярких и крупных, что казалось — протяни руку, и зацепишься за них. И луны было две. Одна — большая, серебряная, привычного вида. Другая — поменьше, с красноватым отсветом, как тлеющий уголек.

Холодный, чистый воздух.

Лада медленно, с невероятным усилием, подняла голову. Рука, в которой была зажата подвеска, лежала на груди. Она разжала онемевшие пальцы. Спираль лежала на её ладони. Теперь она не светилась. Металл был темным, матовым, как и прежде. Но... гравировка на нем, та самая, что едва была заметна раньше, теперь слабо светилась изнутри мягким серебристым свечением, как фосфоресцирующая краска. Потом и этот свет угас, оставив лишь легкое, едва ощутимое тепло.

Она опустила руку, уставилась на двойные луны в незнакомом небе. Мысли отказывались складываться в что-то осмысленное. Шок был слишком глубоким.

— Где я?

Вопрос повис в холодном воздухе. Ответа не было. Была

только тишина, звезды, две луны и твердые камни под спиной. И тяжелая серебряная спираль в руке, которая только что сожгла старую жизнь и выбросила её... сюда. Где бы это ни было.

Горечь неудач осталась там, в другом мире. А здесь, под странным небом, начиналось что-то новое. Пустое. Незвестное. Страшное.

Лада закрыла глаза, чувствуя, как по щекам снова текут слезы. Но теперь это были слезы не от отчаяния, а от чистого, животного ужаса перед непостижимым. Это было гораздо «больнее», чем боль от измены мужа.

Глава 2. Незнакомый город

С закрытыми глазами, она не видела, что вокруг нее, и тем острее реагировала на запахи. Вдруг запахло дымом. Стойко, сильно, как бывает, когда дома топят дровами. К нему примешивался странный сладковато-пьянящий запах чего-то... Она не могла определить его источник. В голове упрямо возникало слово «магия», но откуда она могла знать, как пахнет магия?

Лада вытерла слезы и открыла глаза. Небо и две луны. Первая — большая, серебряная, почти знакомая, как земная Луна. От нее шел спокойный холодный свет. Но вторая... Она была меньше, с красноватым, багровым отсветом, как тлеющий уголек в камине. Она висела чуть ниже, и ее свет был каким-то тревожным. Ладе показалось — почти зловещим. Два спутника. Два глаза незнакомого мира, безучастно взирающих на неё, лежащую где-то внизу.

Она приподняла голову. Голова гудела, в висках стучало. Земля... нет, не земля, а твердая поверхность под ней, казалось, слегка качалась, как палуба корабля после долгой болезни. Лада зажмурилась, пытаясь прогнать головокружение.

«Где я?» Вопрос теперь прозвучал с новой, леденящей душу остротой. Потому что теперь она видела не только небо, она увидела стены.

Высокие, темные стены домов смыкались по обе стороны, образуя узкий переулочек. Брусчатка под ней была старинной, неровной. Дома... они были похожи на дома из учебников по истории Средневековья: каменные, с узкими, похожими на бойницы окнами, с выступающими деревянными балками, с островерхими черепичными крышами. Но в её мире средневековые дома редко были выше двух-трех этажей. Здесь же они вздымались на четыре, а то и пять этажей, тесня друг друга, создавая ощущение давки даже в пустом переулке.

И вдалеке, над крышами, виднелись башни. Высоченные, увенчанные остроконечными шпилями. Вокруг башен казалось дрожал какой-то слабосветящийся ореол. Зрелище было фантастическим, не похожим ни на что, виденное ею на родине.

И как в любом городе, откуда-то из глубины переулка, доносился знакомый, кислый запах мочи. Этот запах, такой земной и отталкивающий, почему-то окончательно убедил её: это не сон. Это реальность. Грязная, холодная, чужая реальность.

Паника, когда хочется заорать и начать метаться по кругу, подползла к горлу, сжала его холодными пальцами. Лада сделала судорожный вдох.

Надо встать. Надо двигаться.

Она с трудом перекатилась на бок, оперлась на локоть. Её тело отзывалось мышечной болью, как при гриппе. Домашний халат распахнулся, стала видна длинная футболка и пол-

ные, бледные от холода бедра. На одной ноге болтался потрепанный махровый тапочек, на другой — ничего. Камни холодили голую ступню.

Лада села, пошатываясь. Движения были медленными, неуверенными, будто она заново училась управлять своим телом. Она нащупала свалившийся тапочек, натянула его на холодную ногу. Пальцы дрожали. Положила в карман спираль. Потом, собрав края халата, крепко завязала пояс, сделав двойной узел, будто эта защита могла уберечь её от всего, что ждало в этом переулке.

И только теперь она по-настоящему огляделась.

Переулок был пуст. Извивающаяся «щель» между каменными стенами. Где-то вверху, на уровне третьего этажа, протянулась веревка с тремя одиноко висящими простынями. Из приоткрытых ставней вырывался узкий луч света и доносился приглушенный смех. Для кого-то это был просто дом. Для неё — декорации из кошмара.

Она встала. Ноги подкосились, но она удержалась, ухватившись за шершавую стену. Камень был холодным и влажным. Лада оттолкнулась от него и сделала шаг, потом другой. Пошла туда, где переулок расширялся, где между домами виднелась полоса более светлого пространства — должно быть, улица.

Каждый шаг отдавался глухими шлепающими звуками. Её собственное дыхание казалось ей оглушительно громким. Она шла, прижимая к груди сомкнутые в замок руки, буд-

то пытаюсь сдержать бешено колотящееся сердце. Длинные, спутанные после падения белокурые волосы падали на лицо. Глаза, широко раскрытые от ужаса и непонимания, метались по сторонам, вылавливая детали: вывеску с непонятными завитками, похожими на руны, кованое железное ограждение балкончика, лужицу, отражающую две луны.

И вдруг — тень. Огромная, стремительная, бесшумная. Она промелькнула по брусчатке переуллка, скользнула по стенам и исчезла. Лада задрала голову.

По небу, прямо между двумя лунами, пронеслось что-то. Крылатое. Огромное. Форма была не птичьей — слишком массивный корпус, слишком широкий размах крыльев, напоминающих скорее кожистые перепонки, чем перья. Существо промчалось так быстро, что она не успела разглядеть детали, только впечатление мощи, дикой, первобытной силы. Только тень, скользнувшая по земле, и холодный ужас, впившийся острыми когтями прямо в душу.

Дракон?

Мысль пришла сама собой, всплыв из того смутного набора знаний, что она почерпнула из прочитанных сказок и фэнтези-романов. В мире, где две луны, должны быть и драконы. Логично. Она прижалась спиной к стене, затаив дыхание, словно от этого её не заметит чудовище в небе. Но тень не вернулась. Небо снова было пустым, если не считать двух безмолвных спутников.

Она перевела дух и с новыми силами поплелась вперед,

спотыкаясь о неровности брусчатки. Переулок наконец вывел её на улицу.

Она была шире. Мощеная тем же камнем, она казалась гораздо прямее, чем извилистый проулок, откуда она вышла. По обе стороны стояли те же высокие дома, но здесь на первых этажах были витрины — темные сейчас, заставленные неяснымитоварами: стеклянными шарами, свертками тканей, причудливой посудой. Над дверями висели вывески с непонятными символами, но некоторые светились изнутри мягким, теплым светом.

И фонари. Чугунные, высокие, с замысловатыми узорами, они стояли через равные промежутки, и в их стеклянных колпаках горело пламя — живое, колеблющееся от легкого ветерка, бросающее на мостовую длинные, пляшущие тени. Этот свет был уютным, почти домашним, и он почему-то стал для Лады маленькой ниточкой, за которую можно зацепиться. Свет означал цивилизацию. Значит, здесь были нормальные люди. Не только драконы в небе.

Улица была почти пустынной. Где-то вдалеке, укутавшись в плащ, быстро шел мужчина. С другой стороны, переходя дорогу, спешила женщина. Вид у неё был обычный, человеческий, и это немного успокоило Ладу. Женщина была одета в длинное, темное платье простого покроя, с высоким воротником и узкими рукавами. На голове — кружевная накидка. Ничего фантастического. Просто другая мода. Другой век.

И в этот миг по улице проехал экипаж. Но какой! Это бы-

ло нечто среднее между повозкой и... автомобилем? У него были большие, деревянные колеса со спицами, как у дилижанса. Но вместо козел и упряжи — сидение под небольшим кожаным верхом, а спереди — большой, похожий на штурвал руль. И двигалось это сооружение само! Без лошадей. Под днищем что-то тихо урчало. Механизм? Магия? Лада не понимала. Экипаж промчался мимо, оставив за собой легкий запах горячего металла и масла.

Мир вокруг не просто был чужим. Он был смесью привычных представлений. Средневековые дома и самоходные экипажи. Масляные фонари и две луны. Запах сладости и мочи. Обычные люди в длинных платьях и тени драконов в небе.

Лада стояла посреди мостовой, чувствуя себя абсолютно потерянной, голой в своем поношенном халате и тапочках на босу ногу среди этой чужой, живой реальности. Её собственная реальность — кафе «Уют», долги, Сергей с его коробкой, казалась теперь каким-то далеким, блеклым сном. А этот сон, кошмарный и яркий, стал явью.

Надо с кем-то заговорить. Узнать, где она. Что это за место.

Она увидела, как та самая женщина в темном платье, уже поравнявшись с ней, бросила на неё быстрый, удивленный взгляд. Вид Лады, в розовом халате и тапочках, с растрепанными волосами и диким взглядом, явно выбивался из общей картины.

— Извините... — хрипло вырвалось у Лады, и она сделала шаг навстречу.

Женщина остановилась, настороженно сжав губы. Лада видела её лицо при свете фонаря — милое, молодое, с карими глазами, но сейчас в них читалось недоумение и легкая тревога.

— Послушайте, я не знаю, где я... — начала Лада, протягивая руку в жесте, полном отчаяния.

— Меня... меня принесло сюда. Я не понимаю...

Язык, её родной, привычный русский, звучал в этом месте гортанным, невнятным бормотанием чужака. Женщина отшатнулась, глаза её округлились. Она что-то быстро говорила.

Звуки были мелодичными, но абсолютно непонятными. Ни одного знакомого корня, ни одной узнаваемой интонации.

— Я не понимаю! — почти закричала Лада, и в её голосе прозвучала настоящая истерика.

— Где я? Что это за город?

Женщина испуганно покачала головой, бросила ещё одну полную жалости и недоумения фразу, резко развернулась и почти побежала прочь, оглядываясь через плечо, как будто боялась, что странная женщина в халате бросится за ней.

Лада осталась стоять одна посреди улицы. Бессилие накатило такой тяжелой волной, что ноги снова подкосились. Она опустилась на холодный бордюр, спрятала лицо в ладонях.

Дрожь шла изнутри, мелкая, неконтролируемая. Она была не просто в чужой стране. Она была в другом мире. Где не понимали её слов. Где над головой висели две луны и летали драконы. Где она была абсолютно одна, без денег, без знаний, в домашнем халате.

«Что мне делать? Куда идти?» — вопросы бились в голову, не находя ответа. Она сидела так, не зная, сколько прошло времени — минута или десять. Пока не услышала четкие, мерные шаги.

Она подняла голову. Из-за угла соседнего дома быстрым, решительным шагом направлялись к ней двое мужчин в униформе. Стража? Полиция? Что-то в этом роде.

Они были одеты в хорошо сидящие мундиры темно-синего цвета, с серебряными пуговицами в два ряда. На головах — остроконечные каски с козырьком. Но больше всего её внимание привлекли нагрудные эмблемы — металлические, блестящие даже в тусклом свете. На них был изображен сложный знак: спираль, закрученная вокруг какого-то центра, вписанная в колесо с шестью спицами. Вся эта композиция была заключена в строгий шестиугольник. Знак выглядел одновременно и механическим, и магическим.

Лица у стражников были серьезными, профессионально-невозмутимыми. Один постарше, с сединой на висках и усталыми, но зоркими глазами. Второй — молодой, с жестким, поджатым ртом. Они подошли к ней и остановились, блокируя путь в две стороны.

Старший что-то сказал. Его голос был низким, спокойным, но в интонации сквозила команда. Язык — тот же, непонятный, мелодичный.

Лада в ужасе посмотрела на него, потом на второго. Она покачала головой.

— Я... я не понимаю. Я не отсюда. Меня принесло... магия, — она выпалила первое, что пришло в голову, снова русском, жестикулируя руками, пытаясь изобразить взрыв, падение, что угодно.

Стражники переглянулись. В их взгляде мелькнуло понимание. Молодой что-то тихо произнес старшему. Тот кивнул, и его взгляд стал оценивающим, сканирующим. Он окинул Ладу с головы до ног — халат, тапочки, спутанные волосы, растерянное, заплаканное лицо. Взгляд задержался на её руках, будто ища чего-то. На шее? На запястьях?

Потом он снова заговорил, уже медленнее, четче артикулируя, словно пытаясь до неё достучаться. Он указал пальцем на неё, потом на себя, потом сделал широкий жест, охватывающий улицу, и закончил вопросительным подъемом брови.

«Кто ты? Откуда?» — перевела для себя Лада. Она снова покачала головой, чувствуя, как слёзы снова наворачиваются на глаза.

— Не понимаю, — прошептала она.

— Не понимаю ничего.

Молодой стражник нетерпеливо хмыкнул. Старший

вздохнул. Он сказал короткую фразу, в которой Лада уловила только одно слово, прозвучавшее твердо и весомо: «Арканум» или что-то похожее на это.

Потом они наклонились к ней. Лада инстинктивно отпрянула, попыталась встать, чтобы отступить. Но их движения были быстрыми и отработанными. Молодой шагнул вперед, перехватив её под правую руку. Старший — под левую. Их хватка была твердой, не грубой, но и не оставляющей никаких иллюзий о возможности вырваться. Это были руки людей, привыкших иметь дело с теми, кто не хочет идти добровольно.

— Нет! Пустите! Куда вы меня ведете? — закричала Лада, пытаясь вырваться.

Но её рывки были слабыми, беспомощными. Стражники даже не пошатнулись. Они просто плотнее сжали её руки и мягко, но неумолимо повели вперед, сошли с тротуара на мостовую.

Паника сменилась леденящим душу страхом. Куда? Что такое Арканум? Тюрьма? Сумасшедший дом? Мысли неслись вихрем. Она метнула взгляд по сторонам в надежде увидеть кого-то, кто заступится. Но улица была пуста.

Они шли быстро. Лада почти бежала между ними, спотыкаясь о камни, её тапочки шлепали по мокрой от недавнего дождя мостовой. Халат развевался, цепляясь за ноги. Она чувствовала на себе взгляды редких прохожих — короткие, любопытные, но никто не останавливался. Вид женщи-

ны, которую ведут стражники, очевидно, не был здесь чем-то из ряда вон выходящим.

Они миновали несколько улиц, свернули в арку под массивным каменным зданием и вышли на просторную площадь. Она была вымощена светлым, почти белым камнем, который ярко отражал двойной лунный свет. В центре бил фонтан — сложная композиция из каменных чудовищ и нимф, из пастей которых струилась вода, искрящаяся в свете десятков тех же чугунных фонарей, расставленных по периметру. По краям площади стояли внушительные высокие здания.

Но даже эта красота не шла ни в какое сравнение с тем, что возвышалось в конце площади.

Величественное. Готическое. Невероятное. Здание, вернее, комплекс зданий, взмывал в небо десятками шпилей, башенок и арок. Оно было сложено из темно-серого камня, который в лунном свете отливал синевой и серебром. Огромные витражные окна, сейчас темные и слепые, занимали целые стены. Стрельчатые арки входа были настолько высокими, что под ними мог бы проехать человек на слоне. Это была крепость, собор и дворец, слившиеся воедино. И над всем этим, на самой высокой, центральной башне, сиял, переливаясь внутренним светом, тот же символ — спираль, колесо и шестиугольник.

Лада замерла, запрокинув голову, пораженная масштабом и красотой. Это было слишком. Слишком огромно, слиш-

ком величественно, слишком чуждо. Стражники не дали ей долго стоять. Они мягко, но настойчиво повели её дальше, мимо главного, парадного входа с его гигантскими дверями из черного дерева и бронзы. Вместо этого они свернули направо, прошли вдоль массивной стены, поросшей внизу темным плющом, и остановились у небольшой, неприметной двери. Она была узкой, дубовой, окованной железом, без каких-либо украшений. Такая дверь, через которую впускают слуг, арестантов или... непонятных подозрительных личностей, найденных на улице в странном виде.

Старший стражник взял висящий сбоку молоточек и постучал по двери. Замок щелкнул громко и сухо. Он толкнул дверь, и она со скрипом отворилась внутрь, открывая полосу слабого желтого света.

Молодой стражник слегка подтолкнул Ладу вперед. Она сделала шаг. Потом другой. Переступила порог.

За спиной дверь захлопнулась, и щелчок замка прозвучал как приговор.

Визуал. Лада

Главная героиня романа - Лада

Глава 3. Дежурный по городу

Длинный коридор, в который её втокнули стражники, казался бесконечным. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, подпираемые рядом резных каменных колонн. Стены из темного полированного камня отражали мерцающий свет светильников — шарики холодного сияния, заключенные в ажурные медные клетки и подвешенные на цепях через равные промежутки. По правой стороне тянулся бесконечный ряд одинаковых, массивных дубовых дверей. На каждой — латунная табличка с изящной, но абсолютно нечитаемой вязью. Замысловатые завитки, точки, спирали — явно буквы, но для Лады это были просто узоры, ещё один барьер между ней и пониманием. Слева — высокие, узкие окна с витражами, сейчас тёмными, лишь кое-где пропускающими бледный свет двух лун. В этих цветных стеклах угадывались сцены: драконы, летящие над горами; маги, творящие заклинания; сложные символы, среди которых она снова узнавала несколько повторяющихся — спираль, колесо, шестиугольник.

Её вели быстро, почти бегом. Тапочки шлёпали по каменным плитам пола. Два стражника шли по бокам, их шаги отмеряли чёткий, неумолимый ритм. Лада уже не пыталась вырваться. Внутри нее все сжалось в холодный, тяжёлый комок где-то под сердцем. Мысли метались, как перепуганные пти-

цы в клетке.

«Сергей. Кафе «Уют». Долги. Коробка с его вещами у порога. Вспышка. Падение. Две луны. Дракон в небе. И вот этот коридор, ведущий в неизвестность.»

Каждая новая дверь казалась такой же как предыдущая. Она потеряла ориентацию полностью. Этот лабиринт из камня и тишины был страшнее уличного переулка. Наконец они остановились у одной из дверей, ничем не отличающейся от других. Старший стражник поднял руку и постучал три раза — чётко, твёрдо, без суеты. Через мгновение он приоткрыл дверь, заглянул внутрь и коротко, отрывисто что-то произнёс. Из-за двери донёсся низкий, спокойный голос в ответ — всего пара слов. Стражник кивнул, распахнул дверь шире и жестом велел Ладе заходить.

Она переступила порог. После прохлады улицы воздух в кабинете казался почти жарким. Кабинет был не очень большим, но потолок здесь тоже был высоким, сводчатым. Стены от пола до середины были обшиты тёмными дубовыми панелями, выше — покрыты тяжёлой тканью цвета бордо. На одной стене висела огромная карта в золочёной раме — незнакомые земли, моря, города, испещрённые теми же непонятными символами. На другой — портрет сурового мужчины в мантии с тем же шестиугольником на груди.

В центре комнаты стоял массивный письменный стол из тёмного, почти чёрного дерева, на поверхности лежала одна скромная стопка каких-то бумаг. За столом, в высоком ко-

жаном кресле с гвоздиками из латуни, сидел мужчина.

Стражники что-то быстро доложили, стоя почти по стойке «смирно». Мужчина за столом слушал, не поднимая головы, рассматривая какой-то пергамент. Он коротко, отрывисто ответил что-то, даже не взглянув на Ладу. Стражники синхронно склонили головы в почтительном поклоне, развернулись и вышли, закрыв за собой дверь.

Лада осталась одна. Она стояла посреди комнаты, на толстом, мягком ковре с замысловатым узором, чувствуя себя нелепо и абсолютно не к месту. Её розовый халат, натянутый на полные бёдра, был покрыт грязными пятнами от падения. Один тапочек разорвался, не пережив длинный поход по улицам, и из дырки выглядывал палец ноги. Её густые, длинные, обычно на кухне убранные в аккуратный пучок волосы, теперь спутанной паутиной спадали на плечи и лицо.

Мужчина наконец отложил пергамент и поднял на неё глаза.

Она почувствовала, как под холодным взглядом незнакомца, ей становится стыдно за свой вид и румянец стыда заливают щеки.

Ему было на вид лет сорок, может, чуть больше. Сухопарый, с чёткими, острыми чертами лица. Высокий лоб, прямой, тонкий нос, плотно сжатые губы. Волосы — тёмные, короткие и безупречно уложенные. Но больше всего Ладу поразили его глаза. Холодные. Серые и прозрачные, как ледяная вода в глубоком колодце. В них не было ни капли тепла,

ни любопытства, ни даже простого человеческого интереса. Был лишь спокойный, оценивающий взгляд хозяина, разглядывающего неожиданно принесённый собакой предмет сомнительной ценности.

На его лице мелькнуло выражение — быстрое, едва уловимое, но Лада узнала его. Такое же бывало на лице Сергея, когда она, уставшая после двенадцати часов на ногах в кафе, пыталась обнять его, а он отстранялся, брезгливо морщась. Брезгливость. Чистая, неприкрытая брезгливость к чему-то грязному, неопрятному, недостойному.

Мужчина что-то сказал. Его голос был низким, бархатистым, с идеальными, выверенными интонациями. Красивым. И абсолютно пустым.

Лада устало покачала головой. Слезы, которые, казалось, уже высохли, снова навернулись на глаза, но она сжала губы, не давая им пролиться.

— Я не понимаю, — прошептала она, уже не надеясь быть услышанной.

— Я ничего не понимаю. Где я?

Он внимательно посмотрел на неё, будто изучая реакцию. Потом медленно, с невероятной, почти театральной неспешностью, жестом показал на стул, стоящий по другую сторону стола. Не приглашая. Приказывая.

Лада покорно подошла и опустилась на край стула. Кожаная сиденья была прохладной и мягкой. Она сидела, сгорбившись, стараясь сделать себя как можно меньше, спрятать

свои полные бёдра, свои босые ноги в порванных тапочках под стулом.

Мужчина откинулся в своём кресле, сложив пальцы домиком перед собой. Его взгляд скользил по ней, изучая, оценивая, классифицируя. Он снова что-то произнёс, на этот раз медленнее, чётче артикулируя. Вопрос. Очевидно, вопрос.

— Не понимаю, — снова прошептала Лада.

— Пожалуйста, я хочу домой. Отправьте меня домой.

Он слегка нахмурился, и в его холодных глазах мелькнула тень раздражения. Потом он вздохнул, будто уступая необходимости сделать что-то неприятное, и потянулся к одному из ящиков стола. Дерево мягко скрипнуло, когда ящик выдвинулся. Мужчина достал оттуда предмет и положил его на стол между ними.

Лада замерла, вглядываясь.

Это был механический прибор, но такой, каких она никогда не видела. Шестиугольное основание из темноватой, полированной латуни, покрытое тончайшей гравировкой похожей на руны. На основании лежал плоский диск, тоже латунный, напоминающий колесо со спицами, но спицы были не прямыми, а изогнутыми, образуя сложный узор. А над этим колесом, не касаясь его, парила спираль. Тонкая, изящная, сделанная из того же металла, она медленно вращалась вокруг своей оси, вися в воздухе без видимой поддержки. Она была точной копией той серебряной подвески, что лежала сейчас в кармане её халата. И того символа, что сиял на баш-

не этого здания.

Магия. Осязаемая, настоящая. Не просто та тень возможного дракона в небе, и не самоходный экипаж на улице, а вот это — изящное, невозможное устройство, нарушающее все законы физики, которые она знала.

Мужчина что-то сказал, привлекая её внимание. Он указал на спираль, потом на свою раскрытую ладонь, потом повторил жест, показывая на неё. Его движения были чёткими, как у хирурга, объясняющего простую процедуру. Коснись. Верхнего кончика. Ладонью.

Лада смотрела то на прибор, то на его холодное лицо. Внутри всё сжималось от страха. Что это? Испытание? Пытка? Ловушка? Но выбора у неё не было. Она была в его власти. В этом кабинете, в этом здании, в этом мире.

Она медленно, дрожащей правой рукой, потянулась к прибору. Пальцы дрожали. Она видела своё отражение в полированной латуни — бледное, испуганное лицо с огромными глазами. Сжала губы, собрала всю волю в кулак. И серединой ладони коснулась верхнего витка парящей спирали.

Сначала ничего не произошло. Металл был прохладным, гладким. Она почувствовала лёгкую вибрацию, едва уловимую, будто внутри прибора что-то жужжало с высокой частотой.

А потом колесо на основании дрогнуло.

Медленно, будто пробуждаясь от долгого сна, оно начало поворачиваться. Сначала еле-еле, потом чуть быстрее. Ко-

лесо вращалось всё быстрее. Спицы сливались в сплошной мерцающий круг. И тогда спираль над ним вспыхнула.

Ярко, тёплым золотистым светом, исходящим изнутри. И из-под неё, из центра вращающегося колеса, вдруг брызнул каскад искр.

Золотых и медных. Они сыпались вниз, на основание, гасли, не оставляя следов, и рождались вновь. Это было красиво. Страшно красиво. И абсолютно необъяснимо.

Мужчина резко выпрямился в кресле. Его безупречное, холодное лицо исказило неподдельное, глубокое удивление. Его серые глаза расширились, уставившись на искрящийся прибор, потом на Ладу, снова на прибор. Он что-то выкрикнул — коротко, резко, очевидно, вопрос.

Лада, наконец, отдернула руку, как от огня. Колесо постепенно замедляло ход, свет спирали угас, последние золотые искры упали и исчезли. В кабинете снова стояла тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, прерывистым дыханием Лады.

Она смотрела на свою руку, будто ожидая увидеть на ней ожоги. Потом подняла глаза на мужчину. В его взгляде теперь было не только удивление, но и что-то ещё. Интерес. И тогда она вспомнила о своей подвеске.

Дрожащими пальцами она полезла в карман халата, нащупала холодный металл, вытащила его. Серебряная спираль лежала на её грязной ладони, тускло поблёскивая в свете ламп. Она протянула руку вперед, показывая.

Реакция мужчины была мгновенной. Он коротко, отры-

висто выругался — слово прозвучало резко и ясно, даже не зная языка, Лада поняла, что это ругательство. Потом он вскочил со стула так быстро, что кресло отшатнулось назад и ударилось о стену. В два шага он пересек кабинет, распахнул дверь и крикнул что-то в коридор. Его бархатный голос теперь звучал властно, требовательно.

Лада сидела, сжимая в одной руке подвеску, другой упираясь в сиденье стула, чтобы не упасть. Она видела его со спины, и теперь смогла разглядеть его одежду. Темные, идеально отглаженные брюки из плотной ткани. Темно-синий, почти черный, шелковый жилет, застегнутый на ряд мелких пуговиц. Светло-серая рубашка из тонкой, дорогой на вид материи. На ногах — высокие ботинки из черной кожи, начищенные до зеркального блеска. Он был высоким, статным, но не широким в плечах, скорее, подтянутым и сухопарым. Каждая деталь его облика кричала о контроле, порядке, безупречности. И эта безупречность делала её, в её грязном халате, ещё более уродливой и чужеродной.

В кабинет ворвался запыхавшийся молодой парень лет двадцати. Невысокий, щуплый, в похожей, но более простой одежде — коричневые брюки, простая рубашка, жилет из грубой ткани. Его лицо было испуганным, на лбу выступил пот.

Мужчина что-то быстро, отрывисто сказал ему, указывая пальцем то на Ладу, то на дверь. Парень закивал, как марионетка, бросил на неё быстрый, полный любопытства взгляд

и выскочил обратно в коридор, хлопнув дверью.

Мужчина закрыл дверь, повернулся и медленно пошел обратно к столу. Но он не сел. Он остановился прямо позади Лады.

Она почувствовала его присутствие — тепло, исходящее от него, тонкий запах одеколona. Инстинкт кричал ей об опасности. Она попыталась обернуться, но не успела.

Его ладони легли на её виски. Сильные, прохладные пальцы сжали её голову с такой силой, что у неё потемнело в глазах. Он не просто касался — он сжимал, фиксировал, как в тисках.

— Нет! — вырвался у неё крик, и она попыталась вырваться, оттолкнуть его руки.

Его хватка была железной. Он что-то произнёс прямо над её ухом — скороговорку, поток странных, гортанных звуков. Его голос звучал теперь иначе — резко, властно, энергично.

У нее перед глазами словно вспыхнул свет. Яркий, ослепительный, белый. Не снаружи, а изнутри. Как будто кто-то включил гигантскую лампу прямо у неё в черепе. Одновременно с этим ее от макушки до кончиков пальцев ног, пронзила дикая, невыносимая боль. Будто её мозг разрывали на части, выворачивали наизнанку, а он в передавал боль по всем нервам.

Она вскрикнула, но звук собственного голоса не услышала. Он утонул в белом шуме, заполнившего ее голову. Мир пропал. Осталась только боль и шум.

Потом всё резко прекратилось.

Боль исчезла, оставив после себя сильную пульсацию и ломоту в мышцах. Лада ахнула, её тело обмякло на стуле. Голова гудела, как улей. Из глаз непроизвольно потекли слёзы, заливая щёки. Она со стоном выдохнула, ухватилась обеими руками за лоб, сжала его, пытаясь унять адскую пульсацию.

— Господи... что это было... — прошептала она, сама не понимая, говорит ли вслух или только думает.

Постепенно гул стал стихать. Слёзы перестали течь. Она медленно, с огромным усилием, опустила руки и открыла глаза.

Мир был прежним. Тот же кабинет. Тот же стол. Мужчина снова сидел в своём кресле за столом, смотря на неё тем же холодным, оценивающим взглядом. Но теперь в комнате был ещё один человек.

Он стоял у двери, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди. Мужчина лет тридцати пяти, с умным, подвижным лицом, тёмными выющимися волосами и карими глазами, в которых сейчас горел живой, неподдельный интерес. Он был одет проще, чем первый — в длинный, темно-зеленый жилет практичного покроя, подпоясанный простым кожаным ремнём, темные штаны.

Они оба смотрели на Ладу. Не как на человека. Как на неожиданную, но крайне любопытную находку.

— Необученная. Мощная сила. Интересно... — произнёс тот, что у двери.

Его голос был глуховатым, чуть хрипловатым, но слова... слова были абсолютно понятны.

Лада моргнула. Потом ещё раз. Она слышала не просто звуки. Она понимала слова. Язык был чужим, мелодичным, но он мгновенно, без малейшего усилия, превращался в ясные, чёткие понятия.

— Кажется, было спонтанное межмировое перемещение, несанкционированное, — ответил первый мужчина, не отводя от неё своего ледяного взгляда.

— Неизвестно откуда. Но резонанс... и этот артефакт переноса...

Межмировое перемещение. Резонанс. Артефакт. Слова непривычные, но знакомые по фэнтези-романам. Лада медленно перевела взгляд с одного мужчины на другого. Её губы дрогнули.

— Я... я понимаю, — прошептала она.

И с удивлением осознала, что говорит не на русском. Звуки, выходящие из её губ, были теми же мелодичными, чужими звуками, что только что слышала.

— Я понимаю вас.

Мужчина удовлетворённо кивнул, уголок его рта дрогнул в чём-то, отдалённо напоминающем улыбку.

— Хорошо. Заклинание снятия языкового блока сработало. Ты теперь понимаешь нашу речь и можешь говорить.

Он сделал небольшую паузу, давая ей осознать это.

— Как тебя зовут? И откуда ты?

Лада сделала глубокий вдох. Она сжала руки на коленях, чтобы они не тряслись.

— Меня... меня зовут Лада, — сказала она.

— А где... где я? Что это за место?

— Я — магистр Маглор, член совета Академии Арканума,

— ответил он, слегка склонив голову.

Формально, без тени дружелюбия.

— Сегодня я дежурный по городу. Ты находишься в здании Академии, в городе Луменир, столице знаний и магии королевства Керандия. В мире, который называется Аркания.

Лада повторила про себя: «Магистр. Арканум. Луменир. Керандия. Аркания». Она не была на Земле. Она была в другом мире. Учёные, фантасты, мечтатели — они предполагали такое. Но предположить и оказаться здесь, в потрёпанном халате и в тапочках на босу ногу, да под взгляд вух незнакомых мужчин...

Её горло сжалось от новой волны отчаяния.

— Я хочу пить, — хрипло выдавила она.

— Пожалуйста.

Маглор на мгновение задумался, потом снова открыл тот же ящик стола.

— Воды у меня нет, — сказал он.

— Но есть это.

Он достал оттуда большое яблоко. Зелёное, с блестящей кожурой. Совершенно обычное, знакомое до боли яблоко.

Он протянул его ей через стол.

Лада смотрела на плод. Её мозг, находящейся на грани шока, ухватился за эту знакомую деталь. Яблоко. Дома, в её холодильнике, часто лежали такие, купленные по акции. Она делала из них шарлотку, компот, иногда просто ела, сидя на кухне после закрытия кафе, усталая.

А потом, откуда ни возмись, в её голове всплыла дурацкая, совершенно неуместная мысль. Не о шарлотке, а о пастиле и зефире. О нежном яблочном зефире, которое она недавно пыталась приготовить и испортила. А он должен был быть ванильным, тающий во рту. Она протянула руку, чтобы взять яблоко. Пальцы коснулись гладкой, прохладной кожиры.

Мягкая вспышка желтого света окутала её руку и яблоко. Свет уютным, как от лампы в тканевом абажуре. Вспышка длилась мгновение. И когда погасла, в её руке было уже не твёрдое, тяжёлое яблоко.

Она держала большой шарик, пышного зефира. Идеальной формы, напоминающей яблоко, с лёгким зеленоватым оттенком. Комок был мягким, упругим под пальцами, и от него исходил нежный, сладкий запах ванили и печёных яблок.

Лада замерла, уставившись на то, что было у неё в руке. Яблоко. Вспышка. Зефир. Она медленно повертела его в пальцах. Он был настоящим. Реальным. Она чувствовала его текстуру, вдыхала сладкий аромат.

Она подняла глаза.

Взгляд Маглора изменился кардинально. Всё, что было в нём до этого — холод, брезгливость, даже профессиональный интерес — исчезло. В нем горел азарт первооткрывателя. Учёного, нашедшего нечто, превосходящее все его ожидания.

Мужчина у двери присвистнул долгим, выразительным свистом, полного самого искреннего изумления.

— Определённо, — произнёс он, и его голос звучал почти с благоговением, — очень мощная сила. Грубая, неотёсанная, сырая...

Он покачал головой, глядя на Ладу, как на редчайший экспонат.

— Вот это находка, Маглор.

Маглор медленно кивнул, не отрывая глаз от зефира в её руке.

— Кулинарный архетип... — проговорил он тихо, словно размышляя вслух.

— Без жестов. Без вербальной компоненты. Без фокусирующего кристалла. На чистом, неструктурированном эмоциональном импульсе... Превращение материи одной биологической формы в другую, сложносоставную, с изменением структуры и свойств...

Он замолчал, потом он поднял взгляд на своего коллегу.

— Кажется, — произнёс Маглор чётко, — Арканум только что приобрёл... крайне необычный актив.

Лада сидела, сжимая в пальцах нежный, ванильный зефир, который ещё минуту назад был обычным яблоком. Слова «актив», «архетип», «сила» бились в её сознании, но не находили отклика. Всё, что она могла понять в этот момент, сквозь туман шока и усталости, было одно: она, как фея-крестная, даже палочки не нужно.

Интересно, а тыкву она во что сможет превратить? И какая теперь ее ждет жизнь?

Глава 4. Утро вечера мудренее

Лада сидела, сжимая в пальцах зефир, и смотрела на него, будто он был ключом ко всем тайнам этого странного мира. Ванильный аромат щекотал ноздри, такой знакомый, такой уютный, и от этого контраста с реальностью, в которой она оказалась, у неё снова закружилась голова.

Магистр Маглор смотрел на Ладу, и его лицо, за мгновение до этого искажённое потрясением и жадным интересом, снова обрело привычную холодную маску.

— Необученная, но мощная сила, — повторил он слова своего коллеги.

— Да. Именно так. Спонтанная манифестация, да ещё и с таким чистым трансмутационным эффектом...

Он провёл ладонью по идеально гладкой столешнице.

— Нума Лада, — произнёс он, обращаясь к ней по имени, и это прозвучало как официальное признание.

— Все люди, рождённые с даром, важны для королевства Керандия. Академия Арканум существует, чтобы находить, воспитывать и направлять такие таланты к знанию.

Он сделал паузу, давая ей вникнуть. Лада кивнула. Это был механический, бездумный кивок. Её мозг, перегруженный адской болью заклинания, видом двух лун, полётом дракона и чудом с яблоком, просто отключился. Слова доносились до неё как сквозь толстое стекло: «важны», «Ака-

демия», «воспитывать». Они не складывались в картину. Единственное, что она понимала — этот холодный, безупречный человек что-то от неё хочет. И, кажется, у неё не будет выбора.

— Ввиду исключительных обстоятельств твоего появления и явной одарённости, — продолжил Маглор, — тебе будет предоставлена льгота на поступление в Академию. Без вступительных испытаний. Ты будешь зачислена на подготовительный курс для получения базовых знаний. Это бесплатно. А вот чтобы учиться дальше, будут нужны деньги.

Лада снова кивнула. Она чувствовала, как веки наливаются свинцовой тяжестью. Всё её тело ныло, каждое движение давалось с огромным усилием. Она хотела только одного: чтобы всё это закончилось. Чтобы её оставили в покое.

Мужчина у двери, наблюдавший за сценой с живым интересом, нахмурился. Он оттолкнулся от косяка и сделал пару шагов вперёд.

— Маглор, — произнёс он.

— Посмотри на неё. Она на грани. Её только что выдрало из родного мира, ты провел ее через боль внедрения базового языка, и она впервые в жизни столкнулась с собственной магией. Ей нужен не приём в Академию, а отдых. Хотя бы несколько часов сна.

Маглор бросил на коллегу короткий, колющий взгляд. Было видно, что он недоволен вмешательством. Он явно считал Ладу своей находкой. Но логика в словах другого мага была

неоспорима.

— Возможно, ты прав, — сквозь зубы процедил Маглор. Он повернулся к Ладе, и его взгляд снова стал оценивающим, как у коллекционера.

— Утром. Завтра утром мы всё обсудим подробно.

Мужчина у двери подошёл. У него было открытое, умное лицо с лёгкими морщинками у глаз, говорящими скорее о частой улыбке, чем о возрасте. Его тёмные волосы были слегка всклокочены. В его карих глазах сейчас было искреннее человеческое участие.

— Меня зовут магистр Люциан Зерион, — сказал он, и его голос звучал тепло, почти по-дружески.

— Лада, Лада Правдина...

— Добро пожаловать в наш мир, нума Лада Правдина. Как бы безумно это ни звучало.

Лада снова кивнула, на этот раз уже осознанно. Её губы дрогнули в попытке улыбнуться, но получилась лишь жалкая гримаса.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я... Лада. Просто Лада.

Фамилия бывшего мужа, которую она не успела поменять, в этом мире ей точно не нужна.

— Ну, «просто Лада», судя по всему, — совсем не простая, — мягко улыбнулся Люциан.

Он бросил взгляд на Маглора, в котором читалось лёгкое раздражение.

— Маглор, где твой помощник? Ей нужно где-то переночевать. В гостевом крыле общежития сейчас много свободных комнат.

Маглор с раздражением хмыкнул, и на его безупречном лице на мгновение мелькнула обычная человеческая досада.

— Где запропастился этот паршивец? — проворчал он, имея в виду того самого щуплого паренька, которого послал с поручением.

— Должен был вернуться...

Как будто по мановению палочки, дверь в кабинет приоткрылась. На пороге, запыхавшийся и явно напуганный, стоял тот самый молодой человек. Его лицо было бледным.

— Магистр Эмбрайн, я...

— Ты мог бы быть и побыстрее, — холодно, ядовито перебил его Маглор, даже не глядя на него.

— Эрвин, отведи её в гостевое крыло общежития. Комнату пусть дадут одноместную. И проследи, чтобы ей выдали самое необходимое.

Его тон не оставлял сомнений, что «самое необходимое» — это минимум.

Люциан вздохнул.

— Я пойду с ними, — заявил он.

— А ты, Маглор, продолжай дежурить. Уверен, бумаг у тебя ещё достаточно.

В его голосе прозвучала лёгкая, но явная насмешка.

Маглор лишь молча кивнул, уже погружаясь в изучение

очередного пергамента. Лада для него на данный момент перестала существовать — ценный актив был временно отложен в сторону до лучших времён.

Лада с трудом поднялась со стула. Ноги дрожали, подкашивались. Она всё ещё сжимала в руке зефир, и только сейчас заметила, что от тепла её ладони он слегка подтаял. Она осторожно положила его на край стола, будто прощаясь с последним кусочком своей старой, нормальной жизни.

Парень-помощник нервно поклонился и жестом пригласил её следовать за ним. Люциан пошёл рядом с Ладой, на полшага сзади, создавая незримую, но ощутимую поддержку.

Они вышли из кабинета в тот же бесконечный коридор. Каменные стены, высокие своды, тишина, нарушаемая лишь эхом их шагов. Лада шла, почти не поднимая глаз, уставившись в спину Эрвина. Её розовый халат распахивался, она придерживала полу рукой, порванный тапочек выглядел убого. Она чувствовала себя такой же жалкой и убогой, пусть и одаренной.

Шли долго. Повернули в другой коридор, затем ещё в один. Наконец, в конце очередного прохода, Эрвин толкнул высокую дубовую дверь, украшенную витым узором, и они вышли наружу.

Лада замерла на пороге, застигнутая врасплох.

Перед ней открылся огромный внутренний двор Академии Арканум. Ночь. Две луны. Но двор был освещён не толь-

ко ими. По периметру, на высоких, изящных каменных столбах, висели магические светильники — сферы из матового стекла, внутри которых медленно перетекали и мерцали мягкие шары холодного пламени. Их свет ложился на плиты мостовой, на листья деревьев, на фасады зданий, создавая игру теней и таинственное, волшебное сияние.

Двор был поистине гигантским. Он напоминал городскую площадь, окружённую домами. Прямо перед ними растянулся ровный газон, посередине которого бил фонтан — сложная композиция из каменных драконов, из пастей которых струилась вода, искрящаяся в свете светильников. От фонтана радиусами расходились дорожки, усыпанные мелким гравием. Они вели к разным зданиям: к массивному, похожему на замок, главному корпусу с бесчисленными стрельчатыми окнами; к более лёгкому, ажурному зданию с колоннадой, напоминающему оранжерею; к высоким башням, уходящим шпилями в небо. Всё утопало в зелени: аккуратно подстриженные кусты, клумбы с цветами, аллеи старых деревьев с причудливо изогнутыми ветвями.

— Впечатляет, да? — тихо сказал Люциан, наблюдая за её реакцией.

— Не буду сейчас всё объяснять, что есть что. Потом, при свете дня, когда ты отдохнёшь, сможешь осмотреться. Сейчас мы идём туда.

Он указал на одно из зданий в правой части двора — трёхэтажное, длинное, с множеством одинаковых окон. Оно вы-

глядело более утилитарно, без изысков, но всё равно было построено из того же светло-серого камня и в том же общем стиле.

Они пошли по гравийной дорожке. Эрвин впереди, почти бегом, явно стремясь поскорее избавиться от своей миссии. Лада плелась следом, её усталость теперь усугублялась ещё и холодом ночного воздуха, пробивавшимся сквозь тонкий халат. Люциан шёл рядом, молча. Он не пытался заговорить, не сыпал вопросами.

Они поднялись по невысоким ступеням и вошли в здание. Внутри было тепло и пахло супом. Небольшой холл с каменным полом, накрытым несколькими поношенными, но чистыми коврами. Прямо напротив входа — массивная деревянная стойка, за которой сидела женщина средних лет. У неё было немного усталое лицо. Она вязала что-то из толстой шерсти, но, увидев входящих, тут же отложила работу.

— Магистр Зерион, — кивнула она Люциану с явным уважением, но без подобострастия.

Взгляд её переключился на Ладу, и в глазах мелькнуло удивление, быстро сменённое профессиональным вниманием.

— Чем могу служить?

— Добрый вечер, Грета, — ответил Люциан.

— Нужно поселить эту девушку в одну из пустующих комнат. Ей потребуется отдых. И всё самое необходимое.

Женщина тут же засуетилась. Она вытащила из-под стой-

ки толстую книгу в кожаном переплёте, быстро пролистала её.

— На третьем этаже свободна комната номер двенадцать. Угловая.

Она взглянула на Ладу, на её халат и босые ноги в порванных тапочках, и её лицо смягчилось.

— Пойдёмте, я покажу.

Она взяла со стойки связку ключей и вышла из-за неё. Эрвин, увидев, что его миссия выполнена, с облегчением проворчал что-то невнятное и практически выбежал обратно на улицу.

Грета повела их по лестнице — широкой, деревянной, с прочными перилами. Лада шла, держась за эти перила, чувствуя, как каждая ступенька даётся с огромным трудом. На втором этаже коридор расходился в обе стороны, но они поднялись ещё выше. Третий этаж был тихим, слабо освещённым. Грета остановилась у одной из дверей, нашла нужный ключ и отперла её.

— Вот, — сказала она, пропуская Ладу вперёд.

— Устраивайтесь, нума.

Комната была небольшой, действительно скромной. Прямоугольная, с двумя высокими, узкими окнами, занавешенными простыми полотняными шторами сероватого цвета. Стены были побелены, пол — деревянный, покрытый чистым ковриком. В углу стояла кровать с металлической спинкой, покрытая голым тюфяком в полосатой наволочке.

Рядом — простой деревянный стол и стул. У противоположной стены — невысокий шкаф с двумя дверцами. Больше ничего. Ни картин, ни полочек, ни зеркала. Аскетично, почти по-монастырски. Но после бесконечных коридоров, кабинета с его давящей роскошью и всего кошмара последних часов эта простая, чистая комната показалась Ладе самым прекрасным местом на свете. Здесь было тихо. Тепло. И здесь её, казалось, оставят в покое.

— Спасибо, — тихо сказала Лада, и голос её дрогнул.

— Большое спасибо.

Грета улыбнулась.

— Я принесу постельное бельё, полотенце и кое-что ещё.

Сидите, отдыхайте.

Она ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Люциан остался стоять на пороге. Он окинул комнату быстрым взглядом и снова посмотрел на Ладу.

— Здесь тебя никто не потревожит до утра. Постарайся поспать. Завтра... завтра будет новый день, и всё покажется немного понятнее. Обещаю.

Лада кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Благодарность к этому незнакомому магу, проявившему к ней простую человеческую доброту, подступала комом к горлу.

— Доброй ночи, Лада, — сказал Люциан и вышел, тихо закрыв дверь.

Лада осталась одна. Совершенно одна, в тишине незнакомой комнаты в незнакомом мире. Она стояла посередине

комнаты, не двигаясь, и просто дышала. Через несколько минут вернулась Грета. В её руках была стопка белоснежного постельного белья — простынь, пододеяльник, наволочка. Сверху лежало большое банное полотенце из той же ткани и простая деревянная расчёска с широкими зубьями.

— Вот, милая, — сказала она, складывая всё на стул.

— Застелите сами или помочь?»

— Я сама, спасибо, — прошептала Лада.

Грета кивнула.

— Вода нужна, попить?

Лада снова кивнула.

— Да, воды... и помыться бы...

— На этаже, в самом конце коридора, направо, — пояснила Грета.

— Там общая комната с умывальниками и кабинками. Всё просто, разберётесь. Воду я вам принесу. А ещё...

Она окинула Ладу оценивающим, но не осуждающим взглядом.

— Вам нужна одежда. В этом халате ходить нельзя. Я сейчас схожу, попробую что-нибудь подобрать из запасов для поступивших.

Не дожидаясь ответа, она снова вышла. Лада осталась в комнате, слушая, как её шаги затихают в коридоре. Потом она медленно подошла к кровати, села на жёсткий тюфяк и опустила голову на руки. Она сидела так, может, минуту, может, десять, просто глядя в пол. Потом глубоко вздохнула,

поднялась и принялась застилать кровать.

Движения были механическими, выученными за долгие годы жизни. Встряхнуть простыню, натянуть её на тюфяк. Чехол на подушку. Пододеяльник. Всё грубое, но чистое. Когда кровать была готова, она села на её край и снова погрузилась в оцепенение.

Грета вернулась минут через двадцать. В её руках была новая стопка — на этот раз одежды. Локтем она держала прижатую к боку бутылку.

— Вот, — сказала она, кладя одежду на кровать рядом с Ладой.

— Набор для поступивших. Я взяла на глаз, но это самый большой размер из имеющихся. Должно подойти.

Она поставила зеленоватую стеклянную бутылку на стол.

— А теперь ложитесь спать. Утром вас наверняка разбудят пораньше, будут формальности, разговоры... Выспитесь, пока есть возможность.

Она улыбнулась ещё раз и вышла, на этот раз окончательно.

Лада потянулась к стопке с одеждой.

Тёмно-серая юбка из плотной похожей на шерстяную ткань, прямая, длинная, почти до пола. Пояс на пуговице сбоку. Светло-розовая блузка из тонкого хлопка с длинным рукавом и высоким воротником-стойкой, застёгивающимся на крошечную пуговку у горла. Жилет из той же ткани, что и юбка, тёмно-серый, без застёжки, с глубоким вырезом. Чул-

ки — хлопковые, светло-серые, плотные. Длинная нижняя юбка из грубоватого белого полотна. Нижнее бельё — короткие панталоны и короткая нижняя рубашка с тонкими лямками, тоже из простой, но чистой ткани. Туфли — чёрные, без каблука, на мягкой подошве, напоминающие балетки, но сделанные из прочной кожи. И длинная серая лента из шёлка.

Лада перебирала каждую вещь, ощупывая ткань, рассматривая швы. Это была простая, даже аскетичная одежда. Униформа. Но это была нормальная одежда. Не халат. И вдруг, без всякого предупреждения, слёзы хлынули из её глаз. Тихие, горячие, безудержные потоки, которые текли по её щекам и капали на серую шерсть юбки, оставляя тёмные пятна. Она плакала о всём сразу и ни о чём конкретно. О Сергее и его предательстве. О долгах, которые висели на ней тяжким грузом. О жаркой кухне кафе «Уют», о запахе корицы и дрожжей. О родном мире. О страшном падении сквозь звёзды. О боли в голове. О холодных глазах Маглора. О невозможности вернуться назад. И о вот этой простой, серой юбке, которая была таким маленьким, таким ничтожным кусочком нормальности в море безумия.

Она рыдала, сгорбившись на кровати, сжимая в руках ткань. Минуту, пять, десять. Пока слёзы не иссякли сами собой, оставив после себя пустоту, лёгкую, странную пустоту, будто нарыв прорвало и боль стала тупее, терпимее.

Она вытерла лицо ладонями, всхлипнула последний раз

и глубоко вдохнула. Потом поднялась, подошла к столу, выпила воды. Вода была прохладной, чистой, без вкуса.

Взяв полотенце, расчёску и нижнее бельё, она вышла из комнаты и пошла по коридору в указанном направлении. В самом конце была дверь. За ней оказалось просторное помещение, разделённое на две части. С одной стороны — ряд кабинок с дверями. Заглянув в одну, Лада увидела привычный, знакомый унитаз со сливным бачком. Это вызвало новый, слабый прилив облегчения — хоть что-то было таким же. С другой стороны — несколько кабинок с душами. Простые, с кранами и деревянными решётками на полу. Всё было чистое, хотя и старое.

Лада зашла в одну из душевых кабинок, сняла свой грязный халат, порванные тапочки, и включила воду. Сначала полилась ледяная струя, но через несколько секунд она стала тёплой. Она встала под неё, закрыла глаза и позволила воде смыть с себя пыль, пот, слёзы и весь ужас прошедших часов. Мыла не было, но одной воды было достаточно. Она стояла так долго, просто чувствуя, как напряжение понемногу покидает её мышцы, как мир вокруг перестаёт быть таким враждебным.

Потом вытерлась грубым полотенцем, надела чистое нижнее бельё, завернулась в халат, решив, что для обратной дороги по коридору он сойдёт, и вернулась в свою комнату.

Расчесала мокрые, спутанные волосы. Потом легла в кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Ком-

ната была тёмной, лишь слабый свет угасающих магических огней двора пробивался сквозь щели в шторах. Тишина была абсолютной.

Я в другом мире. У меня есть магия. Я в Академии магов. Завтра меня ждёт что-то новое, страшное, непонятное.

Мысли кружились в голове, но тело, измученное до предела, уже не слушалось их. Сознание поплыло. И прежде чем страх успел снова сжать её сердце, Лада погрузилась в глубокий, беспробудный, исцеляющий сон.

Утро настало резко, в виде громкого, настойчивого стука в дверь.

Лада вздрогнула и открыла глаза. Комната была залита ярким солнечным светом, пробивавшимся сквозь тонкие шторы. Она лежала, несколько секунд не понимая, где находится. Потом память вернулась.

Стук повторился. Нервный, нетерпеливый.

— Кто... кто там? — спросила она, и её голос прозвучал сипло.

За дверью раздался незнакомый женский голос — лёгкий, мелодичный, доброжелательный.

— Доброе утро! Меня зовут Фарина Ксари. Я буду вашим опекуном на первое время — помогу разобраться, где вы оказались и что, к чему. Откройте, пожалуйста!

Опекун. Лада медленно села на кровати, сглотнув комок в горле. Значит, одиночеству и покою пришёл конец. Новый день начинался.

Она накинула халат, подошла к двери и отперла её.

На пороге стояла женщина, совсем не похожая на су-ровых. Невысокая, хрупкого сложения, лет двадцати восьми. Смуглая кожа, живые, тёплые карие глаза, в которых прямо-таки искрилось добродушие и любопытство. Её тёмно-каштановые, слегка выющиеся волосы были собраны в небрежный, но милый пучок на затылке, из которого выбивались несколько непослушных прядей. Она была одета в практичное, но не лишённое изящества платье глубокого синего цвета, с длинными рукавами и слегка расклешённой юбкой до пят. Через плечо была перекинута сумка из мягкой кожи, туго набитая какими-то предметами.

— О, вот и вы! — улыбнулась она, и её улыбка была настолько искренней и открытой, что Лада невольно расслабилась.

— Простите, что так рано, но день в Академии начинается с рассветом. Зовите меня просто Фарина.

Её взгляд скользнул по Ладе, по её халату, но в нём не было ни осуждения, ни брезгливости, лишь живой интерес.

— Одевайтесь, пожалуйста. Я подожду вас в конце коридора, у лестницы. Потом пойдём завтракать. Вы, наверное, голодны?

Лада кивнула, всё ещё не вполне придя в себя.

— Да... я... сейчас.

— Отлично! Не торопитесь, я подожду, — снова улыбнулась Фарина и, легкой, почти танцующей походкой, отпра-

вилась в конец коридора.

Лада закрыла дверь. Может быть... может быть, всё будет не так страшно?

Она быстро сходила в умывальную комнату, умылась ледяной водой, что окончательно разбудило её, причесала свои длинные волосы. Заплела косу, используя ленту. Потом вернулась в комнату и принялась одеваться.

Процесс оказался несложным, хотя и непривычным. Нижняя рубашка, панталоны, нижняя юбка. Потом чулки, которые она с трудом натянула до колен. Блузка с высоким воротником, который щекотал шею. Юбка, которая, к её удивлению и облегчению, сошлась на талии почти идеально — пояс пришлось застегнуть на последнюю пуговицу, но это была мелочь. Жилет поверх блузки. И наконец, туфли. Они оказались немного великоваты, но не настолько, чтобы слетать с ног. Она подумала, что выглядит как служанка из исторического фильма. Но это была чистая одежда, и она почти сидела по фигуре.

Она вышла из комнаты и направилась к лестнице. Фарина ждала её, прислонившись к перилам и что-то напевая себе под нос. Увидев Ладу, она широко улыбнулась.

— Отлично выглядите! И одежда вам к лицу, правда. Ну что, пошли?

Лада невольно улыбнулась в ответ. Это была первая настоящая улыбка с того момента, как она очнулась в переулке под двумя лунами.

— Да, пожалуй, спасибо, — тихо сказала она.

— Никаких спасибо! — махнула рукой Фарина.

— Моя задача — помочь вам освоиться. И начать лучше всего с самого важного — с еды. Столовая для студентов здесь, честно говоря, не блещет кулинарными изысками, но натошак и каша — мёд. Не волнуйтесь ни о чём, ладно? Сегодня только завтрак, а потом всякие скучные формальности: документы, определение уровня дара, запись на курс, знакомство с расписанием, может, тестирование какое... Но это всё потом. Сейчас — только еда и приятная беседа.

Она пошла вниз по лестнице, и Лада за ней. Страх никуда не делся, он сидел, холодный и тяжёлый, где-то под рёбрами. Но рядом с этой живой, болтливой женщиной он отступил на второй план, давая надежду, что, возможно, в этом чужом, магическом мире найдётся место и для неё. И что утро, как это часто бывает, действительно оказалось мудренее страшного, полного боли вечера.

Визуал. Маглор

Магистр Маглор Эмбрайн

Глава 5. Здесь водятся драконы!

Столовая для студентов оказалась просторным, сейчас почти пустым, залом с высокими сводчатыми потолками, окрашенными в мягкий кремовый цвет. Длинные деревянные столы и скамьи стояли стройными рядами. Вдоль одной из стен тянулась стойка, за которой хлопотали несколько женщин в белых фартуках. Всё это до боли напоминало Ладе школьную или заводскую столовую её родного мира — та же практичность, тот же запах еды, смешанный с запахом моющего средства.

— Преподаватели и магистры питаются в отдельном зале, — пояснила Фарина, легкой походкой направляясь к раздаче.

— Там и выбор побольше, и обстановка... побогаче. А здесь — демократично и сытно. Поднос бери вот тут, — пока они шли к столовой, успели перейти на «ты».

Лада послушно взяла деревянный поднос с отполированными до блеска краями и встала в очередь. Очереди, по сути, не было — кроме них, в зале виднелось лишь несколько запоздавших студентов, торопливо доедавших завтрак у дальних столов.

— Занятия уже начались, — кивнула Фарина в сторону огромных часов на стене, стрелки которых показывали без пятнадцати десять.

— Мы немного опоздали, но для первого дня простительно.

К раздаче подошла полная, рыжеволосая женщина с добродушным, веснушчатым лицом. Увидев Фарину, она широко улыбнулась.

— Нума Ксари! Вы сегодня к нам снизошли?

Фарина засмеялась шутке.

— Здравствуйте, Марта. Нет, не снизошла, а привела новую студентку. Лада, это Марта, наше солнышко и кормилица. Марта, познакомьтесь — нума Лада. Она только вчера... прибыла.

В глазах Марты мелькнуло понимание — видимо, истории о «прибывших» здесь случались.

— А, понятно. Ну, добро пожаловать, милая. Сейчас положу, что повкуснее.

Она ловко орудовала большими ложками, наполняя глубокую миску на подносе Лады густой, дымящейся кашей с кусками тушёного мяса и луком. Рядом положила небольшой пирожок с румяной, слегка потрескавшейся корочкой и поставила глиняную кружку с тёмно-рубиновым ягодным взваром.

— Кушайте на здоровье. А вам, магесса?

— Пирожок и взвар, пожалуйста, — улыбнулась Фарина.

— Я уже позавтракала.

Они взяли подносы и направились к свободному столу у огромного арочного окна. Лада села лицом к окну и неволь-

но замерла, заглядевшись.

Окно выходило на тот самый внутренний двор Академии, который она видела прошлой ночью. Но сейчас, при ярком утреннем солнце, он выглядел совершенно иначе. Небо над Лумениром было чистым, бледно-голубым, с редкими зефирками облаками. Солнечные лучи золотили каменные плиты мостовой, играли в брызгах фонтана, заставляли листву деревьев отливать изумрудной зеленью. Сам фонтан, с каменными драконами, извергающими струи воды, казался центром этого ухоженного, живописного пространства. По дорожкам сновали люди — студенты в форменной одежде, похожей на ту, что была на Ладе, преподаватели в более свободных и ярких нарядах, служители в темно-коричневой форме с фартуками.

— Красиво, да? — Фариная последовала за её взглядом.

— Мне тоже нравится этот вид. Особенно осенью, когда листья начинают желтеть.

Лада кивнула и, наконец, перевела взгляд на свою еду. Голод, притуплённый стрессом, теперь дал о себе знать лёгким спазмом в желудке. Она взяла ложку и осторожно попробовала кашу. Горячая, сытная, с нежным мясом и луком. Съедобно. Более чем. Но её профессиональное чутьё тут же отметило: недосолено. Совсем чуть-чуть, но недосолено. Она отломил кусочек пирожка. Корочка хрустящая, приятная. Но внутри, в районе начинки из густого сладкого повидла, тесто было слегка влажным, недопечённым.

Она вздохнула, и вздох этот вышел неожиданно грустным.
— Что такое? Не понравилось? — насторожилась Фарина.
— Нет, нет, всё нормально, — поспешно сказала Лада.
— Просто... я такие пирожки пеку гораздо вкуснее. И кашу бы досолила.

Фарина рассмеялась — звонко, искренне.

— О, так ты повар! Я, признаться, готовить не умею совсем. Меня однажды попросили помочь на кухне — так я чуть общежитие не спалила, пытаюсь разжечь плиту простой воспламеняющей руной. С тех пор меня туда не пускают.

Она с аппетитом откусила от своего пирожка, явно не замечая его мелких недостатков.

— Но знаешь, Лада, — её голос стал мягче, — это же здорово. Ты принесла с собой часть себя. Своё умение, свою страсть. И в этом мире ты начнёшь всё заново.

Лада снова посмотрела в окно, на сверкающий фонтан.

— Всё заново... — повторила она шёпотом.

— Звучит и страшно, и... заманчиво.

Они доели завтрак в приятном, задумчивом молчании. Лада выпила взвар — он оказался приятно кисло-сладким, согревающим. После еды в теле появилась толика сил.

— Ну что, — сказала Фарина, отодвигая пустую кружку.

— Пора идти. Тебя ждёт официальная часть.

Они вышли из столовой и снова окунулись в лабиринт коридоров главного административного корпуса. Здесь было больше движения: сновали служащие с папками, студенты с

книгами, какие-то слуги. Фарина уверенно вела Ладу, пока они не остановились у неприметной деревянной двери с табличкой «Кабинет 3Б. Регистрация».

Внутри оказалась небольшая, скромно обставленная комната. Письменный стол, несколько стульев, шкаф с папками.

— Здесь нас должны были ждать магистры Эмбрайн и Зе-рион, видимо задерживаются, — пояснила Фарина, присаживаясь на стул.

— Таков регламент: первый контакт, оформление документов и первичное тестирование проводят те, кто обнаружил «прибывшего». Пока их нет, я могу кратко рассказать тебе, куда же тебя, собственно, занесло.

Лада села напротив, сцепив ладони на коленях.

— Пожалуйста. Я всё ещё чувствую себя так, будто нахожусь в очень реалистичном сне.

Фарина улыбнулась.

— Понимаю. Итак, слушай. Наш мир называется Арканья. Он... магический. Но магия — не общее достояние. Из людей ей владеют лишь некоторые — те, кого называют магами или магессами. А вот драконы...

— Драконы? — перебила Лада, широко раскрыв глаза.

— Значит, мне не почудилось вчера? Кто-то действительно летел в небе?

Фарина рассмеялась, ее карие глаза сияли.

— Нет, не почудилось! Здесь действительно водятся драконы. И сейчас я всё расскажу.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

— В Аркании живут люди и драконы. Драконы — существа двуипостасные. Они могут принимать облик человека и облик собственно дракона — большого, крылатого, чешуйчатого. Они физически сильны, выносливы, в драконьем облике могут летать. Но магией они не обладают. Никакой. Это прерогатива людей, и то не всех.

Лада слушала, заворожённо. Сказка. Она попала в самую настоящую сказку. Или в эпическое фэнтези.

— В прошлом, — продолжала Фарина, — между королевствами драконов и королевствами людей случались войны. Магия давала людям серьёзное преимущество, но драконы были... ну, очень крепкими и злобными орешками. В общем, сейчас достигнуто довольно шаткое равновесие. Есть чисто человеческие государства, есть драконьи кланы, а есть смешанные территории, где все живут бок о бок, не всегда мирно, но без открытых конфликтов.

— А мы где? — спросила Лада.

— Мы находимся в смешанном королевстве, но с преобладанием людей. Оно называется Керандия. Правит им король-маг. А этот город, Луменир, — не столица, но важнейший центр. Его называют «городом знаний и магии». Здесь находится наша Академия Арканум — одна из сильнейших магических школ в мире. До столицы — день пути в повозке. Драконы, понятное дело, долетают быстрее.

Лада только покачала головой, переполненная новыми

впечатлениями.

— Это... невероятно. Всё так непривычно. Драконы... настоящие драконы...

— Да, — кивнула Фарина.

— И знай: каждый год через случайные порталы, разрывы между мирами, к нам попадает один-три человека. Как ты. Но маги среди них — большая редкость. Так что тебе повезло. Ты не будешь совершенно беспомощной. У тебя уже есть потенциал, а Академия поможет его раскрыть. Твой старт будет легче, чем у тех, кто прибывает без единой искры магии.

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошли двое мужчин. Маглор Эмбрайн и Люциан Зерион.

Люциан, как и вчера, выглядел спокойным и немного усталым, но при виде Лады его лицо озарила лёгкая, доброжелательная улыбка. В руках он нёс странный прибор, сделанный из тёмного дерева и латуни, со сложными шестерёнками и циферблатами.

Маглор же... Утром, при ярком свете дня, он производил иное впечатление. Безупречный тёмный костюм, белоснежная рубашка, холодные, пронизательные серые глаза, которые теперь пристально изучали Ладу. И в этом взгляде было что-то новое. Вчера он смотрел на неё как на интересный, возможно, ценный объект. Сейчас же его внимание задержалось на ней чуть дольше, стало более личным, оценивающим. Лада, переодетая в чистую, почти сидящую по фигу-

ре форму, с умытым лицом и волосами, собранными в косу с серой лентой, представляла собой совсем иную картину, чем жалкая, испуганная фигура в порванном халате. Она была полной женщиной, это да, но формы её были мягкими, округлыми, женственными. Белокурые волосы отливали золотом, серые глаза, хоть и полные неуверенности, были ясными и большими. Она оказалась... симпатичной. Очень даже симпатичной. Маглор отметил это про себя, не изменяя бесстрастному выражению лица.

— Доброе утро, Лада, — первым заговорил Люциан, ставя прибор на стол.

— Выглядишь гораздо бодрее. Это радует.

— Доброе утро, — тихо ответила Лада, чувствуя, как под взглядом Маглора по коже пробегают мурашки.

— Доброе утро, — кивнул Маглор, его голос звучал ровно.

— Приятно видеть, что ты отдохнула. Перейдём к делу. Для легального пребывания в Верандии и обучения в Академии тебе необходимы документы. Академия готова взять все хлопоты по их оформлению на себя. Но для начала нам нужно кое-что уточнить, и кое-что измерить.»

Он жестом указал на прибор, который Люциан поставил на стол перед Ладой.

— Это более точный и чуткий измеритель, чем тот, что был в моём кабинете, — пояснил Маглор.

— Он определит не только уровень твоей силы, но и по-

тенциальную специализацию. Положи, пожалуйста, ладонь на центральную пластину.

Лада послушно протянула руку. В центре прибора, на полированной латунной пластине, был выгравирован тот же знакомый символ: шестиугольник, внутри него — стилизованное колесо, а в сердцевине колеса — маленькая, изящная спираль. Она прикоснулась ладонью к металлу. Он был прохладным и гладким.

С другой стороны прибора была вторая, меньшая пластина с вращающимся диском, похожим на циферблат, и неподвижной стрелкой-указателем. Как только ладонь Лады коснулась символа, внутренние шестерёнки прибора тихо зажужжали, и диск на второй пластине начал медленно вращаться, набирая скорость.

Все замерли, наблюдая. Маглор сидел, слегка склонив голову, его пальцы барабанили по крышке стола. Люциан смотрел с спокойным интересом. Фарина затаила дыхание.

— Можно убрать руку, — сказал Маглор через несколько секунд.

Лада отдернула ладонь. Диск на приборе замедлил ход, покачиваясь, и наконец остановился. Стрелка указывала на один из многочисленных значков, выгравированных по краю.

Маглор издал короткое, удовлетворённое «хм».

— Очень неплохо, — произнёс он, и в его голосе прозвучала тень чего-то, похожего на одобрение.

— Я же говорил, — с лёгкой усмешкой сказал Люциан.

— Вечером и так было заметно. Значит, Маглор, ты мне должен один обед в «Серебряном Драконе».

Лада, удивлённая, перевела взгляд с одного мага на другого.

— Почему должен?

Люциан рассмеялся.

— А потому что мы с ним поспорили. Маглор считал, что твой уровень окажется ниже среднего. Я же предположил, что потенциал выше. И, как видишь, выиграл.

Он наклонился к прибору и указал пальцем на значок, на который указывала стрелка.

— Вот этот символ. Это обозначение бытовой магии, но с уклоном в преобразование материи. Уровень, судя по отклонению стрелки, определён как «выше среднего». Это, Лада, очень и очень хорошо. Бытовая магия сама по себе распространена, но способность к тонкому преобразованию материи — редкость. Это сложная, глубокая ветвь магического искусства. Можно создавать предметы, изменять их свойства, трансформировать материалы... В общем, перед тобой открываются интересные перспективы.

Лада снова покачала головой.

— Я... я не понимаю. Мне всё ещё кажется, что это сон. Я обычный кондитер. Я люблю печь торты, пирожные, печенье. И у меня это хорошо получалось. А тут... магия? Преобразование материи?

Её растерянность, её искреннее непонимание были такими наивными и чистыми, что даже Маглор, казалось, смягчился на долю секунды.

— Ничто не мешает тебе продолжать заниматься любимым делом и здесь, — сказал он, и его голос потерял оттенок холодности, стал почти... участливым.

— Более того, с такими задатками это станет в разы проще. Представь: идеальный замес теста одной волей, контроль температуры в печи, создание сложнейших декоративных элементов из сахара или шоколада магическим путём...

Он говорил, глядя прямо на неё, и его серые глаза в этот момент не были ледяными. В них светился ум, расчёт, может быть, даже искра какого-то личного интереса. Лада поймала этот взгляд и смутилась. Она не могла понять его природу. Это была профессиональная оценка? Любопытство к необычному «образцу»? Или что-то ещё? Она потупила взгляд, чувствуя жар на щеках.

— И... что теперь дальше? — спросила она, чтобы разрядить обстановку.

— Дальше — документы, — Маглор снова стал деловитым.

Он взял со стола несколько листов плотной бумаги и протянул их Ладе вместе с изящной деревянной ручкой с металлическим пером.

— Заполни, пожалуйста, эту анкету. Пиши разборчиво.

Лада взяла бумаги. Шрифт был непривычным, витиева-

тым, но... она могла его читать. Так же, как и понимала речь. Этот странный лингвистический дар, полученный вместе с магией, продолжал работать. Она пробежалась глазами по графам: имя, дата рождения, она написала сколько ей полных лет, место рождения, написала «другой мир», пол, внешние приметы...

И вот графа: «Имя рода».

Лада замерла. Правда. Фамилия, которую она так долго носила. Фамилия, которая стала для неё символом боли, предательства и краха. Фамилия Сергея. Она не хотела её больше. Не хотела ничего, что связывало бы её с той жизнью, с тем человеком. Свою старую добрачную фамилию — Смирнова, она тоже не хотела. Она и так долго смирялась...

— Моя фамилия была... Правда, — тихо сказала она, глядя на бумагу.

— Но я не хочу её оставлять. Можно... можно указать новую?

Люциан, наблюдавший за ней с мягким сочувствием, кивнул.

— Конечно. Ты можешь выбрать любое имя, какое захочешь. Это твой новый старт.

Лада задумалась. Новая фамилия. Что-то, что отражало бы её суть, её новое начало. Но в голове была пустота. Она всегда была просто Ладой. Кондитером. Женщиной. Ничего звучного, ничего значимого не приходило на ум.

— Не могу придумать... — призналась она с лёгкой рас-

теряянностью.

Молчавший до этого момента Маглор вдруг произнёс, глядя куда-то поверх её головы: «Бейквелл.»

Лада вздрогнула.

— Простите?

— Фамилия Бейквелл, — повторил он, и в уголках его губ дрогнула едва заметная улыбка.

— На старокерандийском это означает «пекущий хлеб». Это намекает на вашу профессию. И звучит... достойно.

Лада повторила про себя, пробуя на вкус: «Лада Бейквелл...» Имя и фамилия вместе звучали приятно.

— Лада Бейквелл, — сказала она вслух, и голос её окреп.

— Да. Пусть так и будет.

Она обмакнула перо в чернильницу и аккуратно, стараясь не смазать, вывела в графе: «Бейквелл». Буквы получились немного корявыми, но разборчивыми.

Дальше, с помощью подсказок Люциана, Фарины и даже редких реплик Маглора, она заполнила остальные графы. Место жительства — город Луменир. Статус — магесса, студентка Академии. Специализация — бытовая магия (преобразование материи). Когда всё было готово, она протянула листы Маглору.

Тот бегло просмотрел их, кивнул.

— Отлично. Бумаги будут отправлены в столицу, в королевскую канцелярию. Через неделю тебе выдадут официальные документы, удостоверяющие личность и статус. До

тех пор ты будешь проживать в предоставленной комнате в гостевом крыле. Магесса Ксари запишет тебя на подготовительный курс для новичков. Занятия уже идут — осень только началась, студенты учатся почти месяц. Ты при желании нагонишь. Когда документы будут готовы, мы снова встретимся, чтобы обсудить детали дальнейшего обучения.

На этом официальная часть была закончена. Люциан собрал прибор, кивнул Ладе с ободряющей улыбкой. Маглор ещё раз взглянул на неё — этот взгляд был тяжёлым, оценивающим, заставляющим сердце биться чуть быстрее, — затем взял бумаги и вышел из кабинета, не попрощавшись. Люциан последовал за ним, проговорив на прощание.

— Держись, Лада. Всё будет хорошо.

Дверь закрылась. Лада выдохнула, словно сбросив груз.

— Ну вот, — сказала Фарина, вставая.

— Первый рубеж взят. Пойдём, я покажу тебе кое-что интересное. Надо подышать свежим воздухом после всей этой бумажной волокиты.

Они вышли из административного корпуса и снова очутились во внутреннем дворе. Солнце поднялось выше, согревая камни. Лада с наслаждением вдохнула прохладный осенний воздух.

Они медленно пошли по гравийной дорожке, направляясь к фонтану. Чем ближе они подходили, тем величественнее казались каменные драконы. Они были высечены с удивительным мастерством: каждая чешуйка, каждый изгиб кры-

ла, оскалы пастей выглядели почти живыми. Струи воды, вырывающиеся из их глоток, сверкали на солнце радугами.

— Они... очень реалистичные, — прошептала Лада, остановившись у края бассейна.

— Такие драконы тут и живут? Настоящие?

Фарина кивнула, улыбка играла на её губах.

— Да, похожи. Только настоящие, конечно, больше, подвижнее и... ну, живые. Хочешь увидеть одного? Прямо сейчас?

Лада резко обернулась к ней, глаза округлились.

— Что? Где?

Она огляделась по сторонам. Во дворе было несколько человек: студенты, перебегающие с одного занятия на другое, служитель, подметающий дорожку, пара магов, о чём-то оживлённо беседующих. Никаких гигантских чешуйчатых существ с крыльями.

— Ты... ты смеёшься надо мной? — неуверенно спросила Лада.

Фарина рассмеялась.

— Нисколько! Смотри.

Она указала рукой в сторону, противоположную фонтану, к зданию столовой.

У одного из боковых входов в столовую, прислонившись к косяку, стоял мужчина. Высокий, очень высокий, и невероятно статный. Широкие плечи, узкая талия, длинные, мускулистые ноги, обтянутые плотными коричневыми штана-

ми из грубой ткани. На нём была простая, но чистая рубашка светло-бежевого цвета, рукава которой были закатаны до локтей, обнажая сильные, с чётко выраженными сухожилиями предплечья. На каждом запястье — по несколько браслетов из кожаного шнура, украшенных разноцветными бусинами. Но больше всего Ладу поразили две детали.

Первая — его волосы. Они были длинными, ниже плеч, и собраны в низкий, небрежный хвост у основания шеи. Цвет — голубой, как яркое небо, но там, куда падал солнечный свет, отливала зелень — изумрудные, морские переливы, будто в волосы были вплетены тончайшие нити малахита.

И вторая — его лицо. Оно было резким, скульптурным, с высокими скулами, прямым носом и упрямо сжатыми тонкими губами. Но глаза... Они были золотистыми. Темно-желтыми с золотыми бликами. Напоминающими расплавленный металл. И зрачки были не круглыми, а вертикальными, как у кошки или... у змеи. В них читалась дикая, неприрученная сила, настороженность и глубокая, пронзительная неприязнь.

Он смотрел прямо на них. Вернее, на Ладу. Его взгляд был тяжёлым, колючим, полным немого вопроса и откровенной враждебности.

— Вот, — тихо, почти шёпотом, сказала Фарина.

— Это Аэрин. Дракон. И... слуга магистра Маглора Эмбрайна.

Глава 6. Тяжело в учении...

Две недели в Академии пролетели, словно один длинный, изматывающий день, с усталостью и постоянным напряжением. С новой фамилией Бейквелл, а она ещё с непривычкой отзывалась на эту фамилию, Лада чувствовала себя так, будто снова учится в школу. Да еще и в чужой стране, где все правила написаны на неизвестном языке. Только вот вместо беззаботной юности у нее были взрослые проблемы, тоска по утраченному миру и груз ответственности за своё новое, шаткое существование.

Подготовительный курс, на который её записала Фарина, оказался своеобразной «сборной солянкой». В просторном классе на третьем этаже учебного корпуса собирались восемнадцать человек. Шестеро женщин, включая Ладу, и двенадцать мужчин. И сразу стало ясно: Лада здесь — белая ворона. Остальные пять девушек были молоды, лет восемнадцати-двадцати. Две — дочери небогатых торговцев из Луменира, мечтавшие выбиться в магессы, чтобы улучшить положение семьи. Ещё две — из провинциальных дворянских семей, со скромным даром, отправленные в Академию «для общего развития» и в надежде на выгодную партию. Одна — тихая, пугливая девушка из приграничного городка, явно чувствовавшая себя не в своей тарелке в Академии. Все они смотрели на Ладу с любопытством, быстро сменившим-

ся настороженностью. У нее не было ни денег, ни титула, ни связей. Зато была общая странность прибывшей из другого мира. И эта странность и привлекала, и отпугивала.

— Им то помогают, а мы вертимся как можем, — однажды Лада невольно подслушала разговор двух девушек в женской уборной.

Речь шла о ней. О том, что ей сразу дали комнату, форму, учебные принадлежности. Что с ней возится магесса Ксари. В их голосах звучала не столько злоба, сколько бескомпромиссная юношеская обида на несправедливость мира. Лада хотела было зайти к ним и сказать, что она променяла бы всю эту «помощь» на возможность вернуться домой, к своей электрической плите, кафе и знакомым улицам родного города. Но спазмом перехватило горло, и слова застряли. Да, они бы не поняли.

С мужской частью группы было иначе. Взгляды, которые она ловила на себе, были иными — оценивающими, заинтересованными, иногда откровенно любопытными. Лада, привыкшая к тому, что после тридцати и особенно после болезненного развода её женская привлекательность в глазах мужчин сильно потускнела, сначала терялась. Она ловила эти взгляды и внутренне ёжилась: «Чего они смотрят?» Потом до неё медленно стало доходить. Округлые, мягкие линии ее фигуры, которые одежда, выданная Академией, не скрывала, а лишь подчёркивала, было что-то, что привлекало внимание. Она была не похожа на худощавых, угловатых деву-

шек ее группы. Она не походила на стройных недоступных магесс, которым магия помогала поддерживать фигуру моделей. Она была зрелой, женственной, в её больших миндалевидных глазах читалась глубина пережитого, которая, видимо, казалась некоторым загадочной. Но никто из молодых людей не решался попытаться познакомиться ближе. Возможно, их очень смущала разница в возрасте, хотя Лада заметила, глядя на себя в зеркало, что будто бы помолодела. Возможно, её статус «прибывшей» и протеже магессы создавал невидимый барьер. А может, они просто не знали, о чём с ней говорить. И Ладе, честно говоря, это было на руку. Мысли о романах, флирте, новых отношениях казались ей сейчас чем-то невероятно далёким и ненужным. У неё не было на это ни сил, ни желания. Её душа всё ещё болела по дому, вернуться в который было невозможно.

Так что большую часть времени она проводила в одиночестве, погружённая в попытки освоить азы магии и общеобразовательные предметы. Учёба давалась тяжело. В своём мире она не получила высшего образования, отучившись в кулинарном колледже на кондитера — профессию хоть и творческую, но не требующую погружения в сложные теории. А здесь... Здесь был целый новый мир знаний, который нужно было впитывать с нуля.

Им читали лекции по «Основам магической теории» — скучные, насыщенные терминами, которые путались в голове, не желая укладываться в понятные схемы. Преподавали

«Общую историю Керандии» — бесконечные войны, династии, договоры, которые Лада забывала и путала уже на следующий день. Был предмет «Основы истории магии», который вёл нудный маг. Всё это приходилось конспектировать в огромную, тяжёлую тетрадь с чистыми листами плотной бумаги, больше похожую на увесистый том какого-то учебника. Академия выдала ей также ручку с пером, пузатую бутылочку с чернилами и простую холщовую сумку через плечо, куда она складывала свои учебные принадлежности.

И каждый вечер, вернувшись в свою маленькую комнату, Лада садилась за письменный стол под светом магического и пыталась расшифровать свои же каракули, выполняя домашние задания. Голова гудела от усталости, глаза слипались, а внутри надёжно поселилось тяжелое, давящее чувство беспомощности. Она чувствовала себя глупой, отсталой, непроходимо тупой. Особенно на практических занятиях по начальной магии.

Контроль над внутренней силой, которую прибор определил как «бытовую магию с уклоном в преобразование материи», не давался ей совершенно. Преподавательница, очень терпеливая и спокойная магесса, учила их медитации, концентрации, визуализации.

— Представьте шар энергии внутри себя, в самом центре. Ощутите его тепло, его пульсацию. Теперь мягко, без усилия, потяните и направьте ниточку этой энергии к кончикам пальцев...

Лада закрывала глаза, пыталась представить. Но вместо ровного шара перед её внутренним взором возникали обрывки воспоминаний: Сергей, говорящий, что уходит к другой; пустая квартира; слёзы над неудавшимся бисквитом; тёмный переулок и вспышка света, забросившая её сюда. Эмоции — обида, тоска, страх, отчаяние, накатывали волнами, и магия внутри неё отвечала им диким, неконтролируемым всплеском. Однажды, когда она особенно старалась сосредоточиться на упражнении по нагреванию воды в чашке, отчаянное желание согреть свои замёрзшие в этой прохладной комнате руки, вырвалось наружу произвольным импульсом. Чашка не просто нагрелась, она треснула с тихим щелчком, а кипяток хлынул на стол. Другой раз, пытаясь погасить свечу, она, разозлившись на собственную неумелость, мысленно крикнула: «Да потухни же ты!» Огонек не просто потух, свечу скрутило в тугую спираль.

Преподавательница качала головой, но без осуждения.

— Сила в вас есть, и немалая, Лада. Но она связана с вашими чувствами. Вам нужно научиться не подавлять их, не поддаваться им, а... использовать. Делать их союзниками.

Легко сказать. Чувства сейчас были её главными врагами. Они сводили на нет все попытки взять себя в руки и начать новую жизнь.

А ещё не было денег. Совсем. Этот факт тяготил её, может быть, даже больше, чем неудачи в магии. Всю свою взрослую жизнь она работала, зарабатывала, обеспечивала себя.

Даже в самые тяжёлые месяцы после развода у неё была своя маленький доход от кафе, который позволял покупать продукты и платить долги. А здесь она полностью зависела от благотворительности Академии. Ей дали еще один комплект формы с брюками, и еще одну блузу, теплую кофту и ботинки. Выдали мыла и шампунь, еще какие-то необходимые мелочи. Кормили в столовой. Но у неё не было ни одной личной вещи, которую бы она выбрала сама. Ни сменной одежды для выходных, ни простого крема для рук, помады, ни даже заколки, кроме двух серых лент, что выдали со всем прочим. По вечерам, ложась спать, она иногда ловила себя на мысли, что буквально чувствует свою нищету. Она была чиста, накормлена, у неё была крыша над головой — но она была нищей. Хотелось плакать.

Светлым пятном в этих двух серых неделях была Фарина Ксари. Магесса, ставшая её опекуном, постепенно становилась и подругой. Они встречались почти каждый день: либо Фарина заходила к ней в комнату после своих лекций, либо они вместе шли в столовую, либо просто гуляли по вечернему двору Академии. Фарина, с её пытливым умом, чудаковатыми манерами и искренним, неподдельным интересом к Ладе как к человеку, а не как к диковинке, примеряла с положением вещей. Лада рассказывала ей о своём мире — о машинах, электричестве, интернете, о гигантских городах и кондитерском искусстве. Фарина слушала, раскрыв рот, задавала кучу вопросов, а взамен рассказывала об Аркании, о

своей жизни, о смешных и не очень случаях из преподавательской практики.

Однажды Фарина, заметив, что Лада после занятий выглядит особенно подавленной, предложила погулять в саду устроенном позади учебного корпуса на территории Академии. Они сидели на скамейке под огромным деревом, напоминающим клен. Его листья уже начали окрашиваться в желтый. Лада, не выдержав, излила душу: и про трудности в учёбе, и про холодные взгляды одноклассниц, и про эту гнетущую финансовую зависимость.

— Знаешь, что одна из них мне сегодня сказала? — голос Лады дрогнул.

— Что это нечестно. Что я втёрлась к тебе в доверие, и что теперь мне будут завышать оценки и принимать экзамены по упрощённым правилам.

Фарина нахмурилась, её карие глаза вспыхнули возмущением.

— Глупости! Да я бы и не смогла тебе зависить оценки, даже если бы захотела. Твои практические работы проверяет магесса Лорана, а теорию — магистр Вальтер. Они меня на пушечный выстрел к экзаменационным листам не подпустят, ревниво свои полномочия блюдут. А что касается доверия... — она положила свою смуглую ладонь на руку Лады.

— Мы с тобой подружились. Так бывает. Я вижу в тебе родственную душу, человека, который тоже чувствует себя иногда не в своей тарелке в новом мире. Разве дружба долж-

на быть «честной» или «нечестной»?

Но логичные слова подруги не смогли сразу снять тяжёлый камень с души. Вернувшись в свою комнату, Лада разревелась. Тихо, в подушку, чтобы не слышали в соседних комнатах. Она плакала от обиды, от несправедливости этих намёков, от тоски по дому, где её никто не считал бы «нечестной», от ужасающего чувства потерянности. Она была здесь чужая. И ей казалось, что она останется чужой навсегда.

Потом слёзы закончились. Она сходила и умылась ледяной, посмотрела на своё заплаканное отражение в зеркале и почувствовала прилив странной решительности.

— Ну и что? — сказала она своему отражению шёпотом.

— Пусть говорят. Мне-то что? Они малолетки, сами ничего в жизни не видели. Их мнение для меня — пустой звук. Я буду учиться для себя. Впитывать то, что дают. А остальное... на всё наплевать.

Это решение принесло некоторое облегчение. Оно было неприятным, но давало опору. Она перестала пытаться хоть как-то встроиться в группу, перестала ловить осуждающие взгляды. Она просто приходила, садилась на свое место. Она всегда выбирала стол у окна, в последнем ряду, открывала тетрадь и старалась записывать, запоминать, понимать. А в перерывах, если Фарина была свободна, они общались. Если нет, то Лада уходила в библиотеку или просто сидела одна, глядя в окно на осенний двор.

Но проблема денег никуда не делась. Мысль о том, как бы

подработать, не выходила из головы. Однажды, когда они с Фариной пили вечерний травяной чай в маленькой преподавательской комнатке магессы, Лада напрямую спросила.

— Фарина, я не могу так больше. Мне нужно хоть немного денег. Хотя бы на смену белья, на что-то личное. Где здесь можно найти работу? Для такой, как я? Без опыта, без знаний...

Фарина задумалась.

— Знаешь... на кухне Академии всегда нужны руки. Особенно сейчас, когда студентов много. Но... это не готовка. Это мытьё посуды. В столовой для преподавателей. Работа тяжёлая, грязная, оплачивается скверно. И обычно её дают в качестве наказания провинившимся студентам или берут самых отчаянных бедолаг.

Лада даже обрадовалась.

— Посудомойкой? Я согласна! Я готова!

Для неё, привыкшей к физическому труду на кухне, мытьё посуды не казалось чем-то зазорным или невыносимым. Это был честный труд, который давал бы хоть какую-то копейку и чувство самостоятельности.

Фарина устроила всё на следующий же день. Так у Лады появился новый, изматывающий пункт в расписании. Теперь её день выглядел так: ранний подъем, быстрый завтрак, затем занятия с группой до трёх часов дня. Потом час на то, чтобы перевести дух, и что-нибудь перекусить. С четырёх до восьми — работа на кухне преподавательской столовой. Она

стояла в душном, пропахшем паром, жиром и мылом помещении у огромной металлической раковины. Горы тарелок, миски, кастрюли, противни, столовые приборы. Всё нужно было вымыть вручную, с помощью густого, странно пахнущего жидкого мыла, очень похожего на хозяйственное мыло родного мира. Затем ополоснуть в чистой воде и вытереть насухо. Магию здесь никто не использовал, считалось, что такая рутинная работа «воспитывает характер», а для провинившихся студентов и вовсе была наказанием. Лада работала молча, рядом с ней обычно маячила парочка мрачных юношей, отбывающих повинность за какую-нибудь шалость. Они бросали на неё удивлённые взгляды: взрослая женщина, да ещё и с даром, — и моет посуду? Но вопросов не задавали.

К восьми вечерам она еле волочила ноги. Возвращалась в свою комнату. Мазала руки кремом, который подарила ей Фарина. Ещё нужно было сделать домашнее задание, прочесть конспекты. Обычно к десяти она уже валилась с ног, едва успев раздеться. Сон наступал мгновенно, тяжёлый, без сновидений. А утром всё начиналось сначала.

Через месяц такой жизни она чувствовала себя зомби. Физическая усталость накладывалась на моральное истощение. Мир, который поначалу казался волшебной сказкой, теперь предстал перед ней в суровых, даже жестоких тонах. Из рассказов Фарины и лекций по истории она поняла главное: здесь ничего не давалось просто так. Не было бесплатной медицины — лечили за деньги или в обмен на услуги. Не было

социальных гарантий. Транспорт, жильё, еда — всё стоило денег. Бесплатно помогали только магам, потому что магия была ценным, редким ресурсом. И её, Ладу, кормили, поили и учили только потому, что в ней обнаружили этот ресурс. Будь она обычным человеком, её бы, в лучшем случае, отправили работать на поля или в служанки. Эта мысль была отрезвляющей. Она не на дне. У неё есть шанс. Но этот шанс нужно было выгрызть потом и кровью, как и всё в этом мире.

Единственной отдалённой надеждой был тот факт, что маги, как и драконы, жили очень долго. Магия замедляла старение, давая время.

— У тебя впереди ещё двести лет, а то и триста лет, — как-то сказала Фари́на.

— Успеешь всё: и выучиться, и встать на ноги, и разбогатеть, если захочешь.

Двести лет... Эта цифра повергала в трепет. Столько времени! Целая вечность, чтобы начать всё с чистого листа. Но пока что эта вечность ощущалась как бесконечная, унылая дорога, по которой она бредёт одна, уставшая и не видящая цели.

За месяц она несколько раз видела Маглора Эмбрайна. Один раз — в библиотеке, где он, погружённый в изучение какого-то древнего фолианта, даже не поднял на неё глаза. Другой раз — в дальнем конце коридора, когда он в окружении нескольких магов быстро прошёл мимо, отдавая распо-

ряжения. Его голос долетел до неё обрывками, холодный и властный. И один раз, ровно через неделю после их первой встречи в кабинете регистрации, он сам пришёл на её занятие по магической теории.

Появление члена Совета Академии в классе подготовительного курса вызвало лёгкий переполох. Преподаватель, магистр Вальтер, заметно засуетился. Студенты замерли, стараясь выглядеть сосредоточенными и умными. Маглор, безупречный в тёмно-синем костюме, лишь кивнул Вальтеру и направился прямо к Ладе. Вся группа затаила дыхание.

— Нума Бейквелл, — его голос прозвучал ровно, без эмоций.

— Ваши документы из столицы. Всё в порядке.

Он протянул ей конверт из пергамента, запечатанный восковой печатью с королевским гербом.

Лада, смущённая вниманием, поспешно встала.

— Спасибо вам, магистр Эмбрайн.

Она взяла конверт, не зная, что ещё сказать. Благодарить ли снова? Проявлять ли излишнюю почтительность? Она выбрала нейтральную вежливость, просто кивнув и опустив глаза.

Маглор задержал на ней свой пронзительный взгляд на мгновение дольше необходимого. В нём читалась всё та же оценивающая холодность, но и в этот раз, показалось Ладе, промелькнула искра какого-то интереса.

— Удачи в учёбе, — бросил он на прощание и так же быст-

ро вышел из класса, оставив после себя волну шёпота и любопытных взглядов, устремлённых на Ладу.

Документы она рассмотрела уже вечером. Плотный небольшой лист, удостоверяющий личность: «Лада Бейквелл, магесса (бытовая магия). Место рождения: иные миры, место проживания: королевство В, г. Луменир, подданство — Керандия». Была бумаги — разрешение на проживание в Керандии и справка о зачислении в Академию. Эти документы стали её первыми «якорями» в этом мире. Хотя бы такое бумажное подтверждение, что она здесь не чужая.

А ещё за прошедшие недели Фарина, видя её подавленность после рассказа об устройстве мира, решила поделиться чем-то, что, как она считала, могло немного скрасить мрачную картину. Как-то раз, гуляя по опустевшему вечернему саду, она завела разговор о драконах.

— Подумай, ведь могло бы быть и хуже, — сказала она.

— Драконы могли бы быть великими магами. И кто знает, может поработили бы людей.

Лада удивленно посмотрела на нее.

— Ты хочешь сказать, что маги стоят на страже человечества?

Магесса подумала и ответила.

— В каком-то смысле это действительно так. Противостоять их силе могут только маги и магические артефакты. У них то магии нет. Ни капли. Они просто... невероятно сильны. Это физическая мощь, скорость, выносливость, острые

когти и зубы, способность летать. И они долгожители, даже дольше многих магов. По сути, они люди-оборотни, превращающиеся в драконов. Из-за этой силы простые люди их боятся. А маги... маги пытаются эту силу использовать.

Она помолчала и вдруг добавила тише.

— Иногда я думаю, что магам всего мало, им мало своей силы, многим нужна чужая.

Она замолчала, погрузившись. Лада вглядывалась в ее лицо и чувствовала, что эти слова из личного опыта. Но не осмелилась уточнить. А Фарина продолжила и рассказала, что до сих пор есть человеческие государства, где драконов считают низшими существами, «говорящим скотом», пригодным лишь для тяжёлой работы, охраны или войны. И что многие маги, пользуясь хитростью, коварством или легальными лазейками в законах, стремятся заполучить дракона в слуги.

— Если б могли, то, наверное, всех бы поработили, — горько заметила Фарина.

— К счастью, драконы — не овцы. Они горды, умны и умеют постоять за себя. Да и в чисто драконьих землях их слишком много, и там свои порядки.

Лада слушала, и в её душе поднималось странное чувство — смесь сочувствия и чего-то родственного. Её тоже использовали, предали.

— А... Аэрин? — осторожно спросила она.

— Дракон Маглора. Как он стал его слугой?

Фарина пожала плечами, и на её обычно открытом лице

появилось не скрываемое выражение неприязни.

— Не знаю. Честно. Маглор — он из старинного магического рода, у него свои методы, свои связи. Мы с ним просто коллеги. И я в Академии всего три года, многое из того, что было до меня, мне неизвестно. Знаю только, что Аэрин при нём уже давно. И что он... не самый счастливый дракон на свете. Маглор обращается с ним, как с ценным, но неодушевлённым инструментом.

Этот разговор заставил Ладу на время забыть о своих проблемах. Мир оказался ещё сложнее и несправедливее, чем она думала. Но погружаться в чужие беды сейчас у неё не было ни сил, ни возможности.

— Пока не буду думать еще и об этом, — сказала она себе.

— Сначала надо самой встать на ноги. Выжить.

И она продолжила «крутиться». Как белка в колесе, которая уже забыла, зачем бежит, но остановиться не может. Учёба, посуда, уроки, сон. День за днём. Иногда, ложась спать, она ловила себя на мысли, что её новая жизнь удивительно похожа на старую: та же бесконечная гонка на выживание, то же одиночество, та же усталость. Только декорации сменились. Вместо бетонных стен мегаполиса — каменные стены Академии. Вместо запаха выхлопных газов — запах осенней листвы. А впереди была еще зима в чужом мире. И никакого просвета пока не предвиделось.

Визуал. Аэрин

Дракон Аэрин Оронтар

Глава 7. Первая маленькая победа

Прошло два с половиной месяца. Два с половиной месяца бесконечной учёбы, утомительной работы на кухне и тихой, ноющей тоски, что сидела глубоко внутри, как заноза, которую невозможно вытащить. Лада втянулась в этот новый ритм. Учёба шла тяжело, и легче не становилось. Если только в части контроля над собственной магией.

С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.